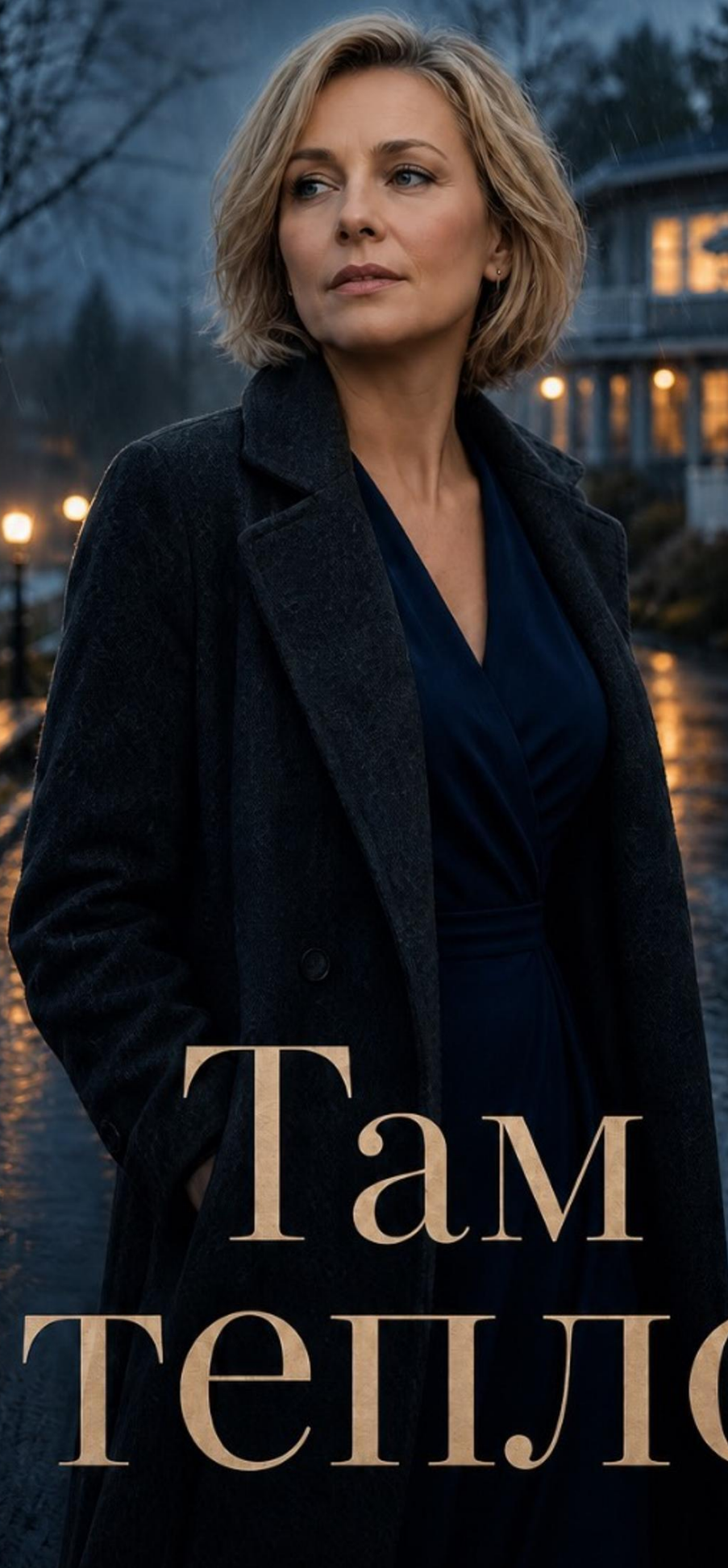

Сергей Стариди

Там
ТЕПЛО

Сергей Стариди

Там тепло

«Автор»

2026

Стариди С.

Там тепло / С. Стариди — «Автор», 2026

Надежда привыкла держать себя в руках: работа, двое сыновей, развод, подмосковная квартира, усталость, которую нельзя показывать, и красота, которую приходится собирать почти как броню. Обычная выездная конференция за городом обещает ей всего два дня передышки — доклады, ужин, вечернюю программу и возможность ненадолго стать не матерью, не бывшей женой, не функцией, а женщиной, на которую снова смотрят. Но мужское внимание быстро перестает быть легкой игрой. Один мужчина смотрит на нее тонко, сдержанно и слишком внимательно. Другой — громко, жадно и слишком уверенно. Между их взглядами Надежда сначала чувствует долгожданное тепло, а потом понимает: быть желанной — еще не значит быть увиденной. «Там тепло» — взрослый психологический роман о женской усталости, флирте, границах, одиночестве и болезненном возвращении к себе.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подольск. Женщина собирается	5
Глава 2. Трансфер. Люди становятся людьми	32
Глава 3. Дом отдыха. Регистрация тепла	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Там тепло

Глава 1. Подольск. Женщина собирается

В половине седьмого утра Подольск за окном выглядел так, будто апрель передумал быть весной.

Серое небо висело низко, почти цепляясь за крыши соседних панелек. Во дворе, между припаркованными машинами, темнели лужи; редкая прошлогодняя трава у бордюров была мокрой и примятой. На детской площадке от ветра чуть покачивались качели, и в этом медленном скрипучем движении было что-то раздражающе холодное.

Надежда открыла глаза за несколько минут до будильника.

Она лежала неподвижно, слушая квартиру. Точнее — пытаясь на слух определить масштаб того, что уже успело случиться без нее.

Из кухни доносился ровный гул холодильника. За стеной кто-то из соседей включил воду, по трубам пошел шум. В комнате мальчиков было тихо, но это ничего не значило: тишина в доме с двумя детьми редко означала порядок. Чаще она означала, что хаос просто еще не достиг стадии звука.

На экране телефона плотной стопкой висели уведомления.

Рабочий чат.

Родительский комитет.

Сообщение от заказчицы, которая третий день вымучивала оттенок крема для торта: *«Не розовый, но чтобы девчочково»*.

Напоминание от фитнес-клуба о вечерней тренировке, на которую Надежда, конечно, сегодня не попадала.

И рассылка с программой выездной конференции.

Она провела пальцем по экрану, ничего не открывая. Полежала еще три секунды. Потом заставила себя встать.

Пол был холодным. Тапочки снова оказались не у кровати, а неизвестно где, и Надежда босиком пошла в ванную, стараясь не смотреть в зеркало сразу. Утреннее лицо она не любила. Не потому, что оно было плохим. Просто оно было слишком честным.

В коридоре, рядом с раскрытым на полу чемоданом, лежал один носок Глеба, спутанная зарядка от телефона Ильи, пакет с новой зубной пастой и распечатанная программа конференции, на которой кто-то уже успел оставить мокрый след от чашки.

Надежда остановилась.

— Прекрасно, — сказала она тихо.

Из комнаты мальчиков немедленно донеслось:

— Мам!

Глеб проснулся.

Она закрыла глаза. Ровно на одну секунду. Затем открыла.

— Что?

— Где моя синяя кофта?

— В шкафу.

— Нет!

— Нижняя полка, справа, под серой толстовкой.

Пауза. Зашуршало. Дверца шкафа глухо стукнула.

— Нету!

Надежда пошла в комнату.

Глеб стоял перед распахнутым шкафом в трусах и футболке с динозавром. Волосы торчали в разные стороны, на щеке отпечаталась красная полоса от наволочки. Он выглядел искренне оскорбленным самой идеей, что синяя кофта могла находиться там, где сказала мать.

На верхнем ярусе кровати, отвернувшись к стене, лежал Илья. По одному только напряженному углу его плеча Надежда поняла, что он давно не спит. Телефон, вероятно, был спрятан под одеялом.

— Илья, — позвала она.

— Я сплю.

— Охотно верю.

Она подошла к шкафу, приподняла серую толстовку и молча вытянула синюю кофту.

Глеб посмотрел на нее с глубоким недоверием.

— Ее там не было.

— Она просто ждала, когда я лично приду и благословлю ее на выход.

Илья под одеялом фыркнул.

Глеб нехотя забрал вещь.

— Мам, а ты сегодня уезжаешь?

— Сегодня.

— На сколько?

— До воскресенья.

— А в воскресенье вернешься утром или вечером?

— Днем. Я тебе вчера говорила.

— Ты говорила «посмотрим».

— Значит, посмотрели. Днем.

Глеб потянул кофту через голову, застрял в тесном вороте и глухо заговорил уже изнутри:

— А ты мне что-нибудь привезешь?

— Глеб, я еду на конференцию, не в Турцию.

— Ну и что? Там же дом отдыха.

— Откуда ты знаешь?

Он наконец просунул голову и посмотрел на нее с торжеством победителя.

— Ты сама говорила по телефону. «Дом отдыха, Подмоскowie, два дня ада и нетворкинга».

Илья снова фыркнул, уже не скрываясь.

— Очень смешно, — сказала Надежда. — Оба юмористы. Умываться.

— Я первый! — крикнул Глеб и метнулся в сторону ванной.

— Зубы нормально почисти! — бросила она вдогонку.

— Нормально!

— Не пожевать щетку, а почистить!

В ванной хлопнула дверь.

Илья сел на кровати. Худой, длинный, в мятой черной футболке, с лицом человека, чья жизнь уже успела утомить, хотя ему было всего пятнадцать. Волосы тяжело падали на лоб. Взгляд — отцовский. Это Надежда замечала каждый раз и каждый раз привычно прятала узнавание.

— Ты сегодня после школы сразу домой, — сказала она. — Глеба забирать не надо, продленка до шести, я договорилась с Мариной Сергеевной. Деньги на карте. Ужин в холодильнике. Макароны разогревай в тарелке, а не в пластиковом контейнере с крышкой — он плавится.

— Мам.

— Что?

— Я знаю.

— В прошлый раз ты тоже знал.

— В прошлый раз это был научный эксперимент.

— Очень дорогой эксперимент. Контейнер был из хорошего набора.

Илья потянулся за телефоном.

— Илья.

Он остановил руку в воздухе.

— Что?

— Пока я с тобой разговариваю, можно без телефона?

Он посмотрел на нее так, как подростки смотрят на взрослых, все еще верящих в магическую силу нотаций.

— Можно.

Раздражение поднялось не острой волной, а привычным фоновым гулом. Из тех, что с самого утра живут прямо в теле: тянут шею, пульсируют в висках, сжимают пальцы.

— Я серьезно. Два дня. Не надо героизма, просто присмотри за братом вечером. Не убейте друг друга, не заказывайте пиццу на все деньги и не забывай закрывать входную дверь.

— Мы хоть раз забывали?

— Нет. Поэтому и напоминаю, чтобы традиция жила.

Илья усмехнулся.

— Логично.

Она хотела добавить что-то еще, но из ванной донесся вопль Глеба:

— Мам! Зубная паста закончилась!

Надежда покосилась на пакет в коридоре. Новый тюбик лежал прямо у порога ванной. На расстоянии вытянутой руки от двери.

— В пакете!

— В каком?

— В белом!

— Тут два белых!

Она вышла в коридор, подняла пакет, достала тяжелый тюбик и просунула в приоткрытую щель.

— Глеб, если бы я уехала на неделю, вы бы умерли от цинги.

Из-за двери высунулась мокрая рука и ухватила пасту.

— Нет. Мы бы позвонили.

— Вот именно.

Надежда пошла на кухню.

Кухня была тесной, съемной, с бежевыми фасадами, которые давно отчаялись выглядеть новыми. На подоконнике стоял горшок с базиликом, окончательно утратившим волю к жизни. У окна — складной стол, на котором чудом умещались две тарелки, рабочий ноутбук, стакан с ручками, школьная тетрадь и пластиковая коробка с насадками для кондитерского мешка.

Еще вчера в полночь Надежда доделывала торт: белый, минималистичный, с тонкими золотыми линиями и мелкими сахарными грушами. Заказчица просила «дорого, но нежно». Надежда ненавидела этот птичий язык, но всегда считывала его лучше остальных.

Она щелкнула чайником, достала хлеб, сыр, йогурт, бросила на плиту сковородку. На автомате открыла дверцу холодильника и провела ревизию пластиковых лотков.

Курица.

Рис.

Овощи.

Суп для Глеба.

Творожники, которые Илья, конечно, назовет «не едой», а потом съест холодными прямо из холодильника.

Экран телефона снова мигнул.

Родительский чат:

«Уважаемые родители, напоминаю, что в понедельник дети должны принести поделку ко Дню Победы».

Надежда посмотрела на строчку и медленно опустила телефон экраном на стол.

— Конечно, — произнесла она. — Куда же без поделки.

Она уже кристально ясно видела свой воскресный вечер: вернется, разберет чемодан, накормит детей, проверит уроки, вывернет шкаф в поисках красного картона, объяснит Глебу, почему танк из пластилина не должен напоминать пожеванный зеленый пирог, и в половине двенадцатого ночи сама будет вырезать ножницами неровную звезду, потому что «мам, у тебя ровнее получается».

На столе лежала распечатка. Она притянула лист к себе, пока нагревалось масло.

«Выездная практическая сессия специалистов по внутреннему контролю, аудиту качества и управлению рисками».

Пятница. Заезд. Регистрация. Открытие. Ужин.

Суббота. Пленарный блок. Практические секции. Свободное время.

Вечерняя программа.

Воскресенье. Итоговая сессия. Отъезд.

«Вечерняя программа» была вписана в тайминг так нейтрально и деликатно, будто взрослые, измотанные люди должны были делать вид, что едут слушать доклады, а не пить у барной стойки, танцевать в полутьме и хотя бы на двое суток перестать быть теми, кем они числились в своих тесных квартирах, душных кабинетах и рухнувших браках.

Надежда усмехнулась.

— Что? — спросил Илья, шаркая по линолеуму босыми ногами.

— Ничего.

Он плюхнулся за стол и стянул кусок сыра прямо с доски.

— Руками не надо.

— Мам.

— Что «мам»? Вилка рядом.

— Я не гость.

— Вот именно. Гости иногда ведут себя прилично.

Следом на кухню влетел Глеб — умытый, взбудораженный, с мокрым пятном на вороте синей кофты.

— Мам, а там бассейн есть?

— Где?

— Ну в доме отдыха!

— Наверное.

— Ты будешь плавать?

— Я еду работать.

Илья исподлобья поднял глаза.

— В платье?

Надежда замерла с лопаткой в руке и медленно повернулась к старшему сыну.

— Что?

— Ничего.

Но Глеб тут же вцепился в деталь:

— Какое платье?

— Никакое, — отрезала Надежда.

— Красивое? — не отставал младший.

Илья подцепил банку йогурта и с подчеркнутым интересом погрузился в изучение состава.

— Ешьте, — скомандовала она. — У меня нет времени на ваши расследования.

Но время как раз было. Впритык, но было. И именно это выматывало сильнее всего: утро еще не посыпалось, но уже требовало от нее железобетонной выдержки. А мысленно она давно находилась в другой части дня — там, где нужно будет выйти из душного автобуса, поправить волосы, улыбнуться нужным людям, получить бейдж и войти в конференц-зал так, будто эта поездка не имеет для нее никакого веса.

Она разбила яйца на шипящую сковороду. Желток одного из них тут же растекся бесформенной желтой лужей.

— Отлично, — выдохнула она.

Глеб заглянул ей под руку.

— Это мне?

— Теперь да.

— А почему мне сломанное?

— Потому что ты сильный и справишься с жизнью.

Илья тихо хмыкнул:

— Глеб, это тренировочный лагерь перед взрослостью.

— Не хочу взрослость, — буркнул Глеб. — Там надо самому искать кофту.

Надежда неожиданно рассмеялась. Смех вырвался короткий, искренний, ничем не прикрытый. На секунду на тесной кухне появился воздух. Даже Илья чуть дрогнул уголком губ, хотя тут же спрятал лицо за банкой йогурта.

Она расставила перед ними тарелки, налила себе кофе и прислонилась бедром к кухонной столешнице. Кофе обжигал, но она намеренно сделала большой глоток. Ей была нужна эта жесткая утренняя горечь. Она возвращала ощущение собственного тела.

На экране телефона снова всплыло пуш-уведомление. Работа.

«Надежда Викторовна, доброе утро. Подскажите по акту сверки за вчера...»

Она открыла переписку, быстро набрала ответ.

Потом проверила еще одно сообщение.

Переслала файл.

Илья не сводил с нее глаз.

— Ты же сегодня уезжаешь, — нарушил он паузу.

— И что?

— Ничего. Просто ты уже работаешь.

— Я всегда работаю.

Он открыл рот, чтобы ответить, но передумал.

Эта звенящая недоговоренность повисла между ними на уровне лиц. Надежда почувствовала ее кожей.

Она прекрасно знала, что Илья видит слишком много. Не всё может переварить, но замечает безошибочно. Как она по ночам горбится над ноутбуком. Как ожесточенно стирает макияж и становится пугающе тихой. Как срывается из-за немой чашки, а потом чувствует себя виноватой. Как мертвеет ее лицо, когда на экране высвечивается имя бывшего мужа. Как она стоит перед зеркалом, проверяя контуры фигуры не для себя, а для какой-то безжалостной, невидимой оценочной комиссии.

Ей до боли хотелось, чтобы он этого не видел. Детям вообще не положено рассматривать своих матерей под таким жестоким увеличением.

— После школы сразу домой, — повторила она, сбавляя тон.

— Я понял.

— И Глеба не доводи.

— Я его не довожу.

— Вчера ты сказал, что у него голова как у хомяка.

Глеб тут же возмутился с набитым ртом:

— Да!

Илья пожал плечами:

— Это было непредвзятое научное наблюдение.

— Еще одно такое наблюдение, и будешь мыть посуду в ручном режиме до моего вращения.

— Я и так мою.

— Ты ставишь тарелку в раковину и свято веришь, что на этом ее жизненный путь завершен.

Глеб счастливо захохотал.

Илья покосился на брата:

— Смешно тебе, хомяк?

— Мам!

— Илья!

— Всё, молчу.

Она залпом допила остывающий кофе и бросила взгляд на часы. Время вдруг сжалось, как всегда по утрам: казалось, пять минут назад было начало седьмого, а теперь стрелка ползла к восьми. Ей предстояло еще собрать себя, перепроверить документы, утрамбовать чемодан, вынести мусор, отписаться Марине Сергеевне насчет продленки и не забыть оставить на видном месте записку для консьержки, чтобы та вечером передала заказчице коробку с тортом.

— Так, — скомандовала она, отставляя чашку. — Завтракаем в темпе. Глеб, не размазывай желток по тарелке. Илья, убери телефон.

— Я смотрю расписание уроков.

— В телефоне?

— Мам, у нас сейчас всё в телефоне.

— У вас сейчас всё в телефоне, кроме совести и сменной обуви.

Илья снова коротко улыбнулся.

Надежда повернулась к раковине, пустила воду на сковороду и вдруг поймала в потемневшем стекле кухонного окна свое отражение.

Размытое. Бледное. В домашней растянутой футболке, с растрепанными после сна волосами, с тем тяжелым утренним лицом, которое еще не успело превратиться в броню для выхода к людям.

В этом отражении не было ни грамма загадочности. Никакой манкости. Никакого хищного блеска.

На нее смотрела мать двоих пацанов из съемной трешки в Подольске. Женщина сорока трех лет, которая точно знала, на какой полке лежит дурацкая синяя кофта, до какого числа нужно внести плату за секцию, сколько осталось на зарплатной карте до аванса, и какую именно металлическую насадку взять для кремовой розы, чтобы чужая женщина надменно бросила: «Ой, как дорого смотрится».

А в соседней комнате, прямо на полу, лежал распахнутый чемодан.

Для деловой конференции.

Для двух дней за городом.

Для той самой вечерней программы, о которой в рассылке написали так сухо и невинно, словно взрослые женщины не умеют отчаянно надеяться на чудо.

Надежда резко выключила воду и насухо вытерла руки вафельным полотенцем.

— Доедайте, — сказала она, не оборачиваясь. — Мне еще собираться.

— Ты же вроде уже вещи собрала, — промычал Глеб из-за тарелки.

Она бросила взгляд в коридор, где из-под крышки чемодана виднелся краешек плотного черного шелка.

— Нет, — тихо ответила Надежда. — Еще нет.

Вещи — это как раз самое простое.

Теперь ей предстояло собрать женщину.

После завтрака квартира не стала тише — она просто сменила тип шума.

Глеб в ванной пытался одновременно чистить зубы и что-то напевать. Илья за стеной хлопал дверцами шкафа с таким выражением, будто одежда сама виновата в его школьном расписании. На кухне остывала сковородка, в раковине стояли чашки, а в коридоре, рядом с раскрытым чемоданом, по-прежнему лежал провод от зарядки, протянутый через весь проход так, будто кто-то ставил на мать растяжку.

Надежда составила тарелки в раковину, вытерла стол, убрала сыр в холодильник. Потом замерла и усилием воли заставила себя не мыть всё прямо сейчас. Иначе утреннее время схлопнется, как всегда: чашки, столешница, мусор, плита, пол, а потом внезапно окажется, что нужно протереть стеклянную полку в холодильнике, потому что там липкий след от йогурта. В итоге она опять будет выбегать из квартиры с влажными волосами и ненавистью ко всему живому.

Нет.

Сегодня надо было собрать себя.

Она прошла в спальню.

Чемодан лежал на полу раскрытым, напоминая пасть небольшого, но требовательного домашнего животного, ждущего кормежки. Рядом на спинке кресла висело платье. Черное. Плотный шелк с матовым отливом. Не вызывающе нарядное, но достаточно правильное, чтобы в приглушенном вечернем свете выглядеть дороже, чем стоило.

Надежда взяла его за плечики и подняла на уровень глаз.

Платье работало тихо. Никакого отчаянного «посмотрите на меня, я свободная женщина в активном поиске». Такого она бы себе не позволила. В нем всё решала не смелость, а выверенная точность: закрытые плечи, мягкая линия талии, длина чуть ниже колена и вырез ровно такой, чтобы шея казалась длиннее, а грудь была не выставленной напоказ, но бесспорно существующей.

Она приложила платье к себе и посмотрела в зеркало на дверце шкафа.

Домашняя футболка, растрепанные волосы, отекающее лицо, босые ноги. И поверх всего этого — тяжелый черный шелк, как обещание совершенно другой версии себя.

Надежда чуть повернулась боком.

Живот.

Не ужасный. Не тот, из-за которого нужно гасить свет в спальне и прятаться под объемный халат. Просто живот сорокатрехлетней женщины, выносившей двоих детей, работающей сидя, живущей в режиме «поем потом» и четыре раза в неделю пытающейся договориться с тренажерами о временном перемирии.

Она втянула его.

Так было лучше.

Потом расслабилась.

Так было честнее.

Но честность ей категорически не понравилась.

— Ладно, — сказала она отражению. — Не будем сегодня за правду.

Она перекинула платье на кровать и выдвинула верхний ящик комода.

Корректирующее белье. Телесное. Дорогое и безжалостное. Никакого кокетливого кружева, никакой легкости, никакого заигрывания. Чистая инженерия.

Надежда держала его в руках с привычной, горькой смесью благодарности и легкого унижения. Вот оно, женское чудо после сорока: не фея-крестная и не хрустальная туфелька. Тугой эластичный панцирь, который не спрашивает, как ты себя чувствуешь, а просто пересобирает тебя в форму, приемлемую для внешнего мира.

Она положила белье рядом с платьем.

Следом в чемодан отправилась вторая пара колготок. На всякий случай. Потом третья — потому что «на всякий случай» у женщины ее опыта никогда не ограничивался одним вариантом. Затем крошечный набор с ниткой и иглой. Пластыри. Миниатюрный флакон духов. Запасная помада.

Она посмотрела на открытый чемодан и вдруг усмехнулась.

Конференция по внутреннему контролю.

Если бы кто-нибудь прямо сейчас провел аудит ее багажа, акт получился бы безупречным. Учтены абсолютно все риски: стрелка на колготках, натирающая туфля, внезапная усталость лица, плохой свет в гостиничной ванной, обвисшая после душного автобуса укладка, вечер, который обязан быть скучным, — и вечер, который внезапно может перестать им быть.

Хотя последний риск она, конечно, ни в одном официальном отчете не указала бы.

Надежда распахнула нижнюю створку шкафа. На полке сиротливо стояла спортивная сумка, из которой змеился край эластичной ленты для фитнеса. Рядом — кроссовки, видевшие ее за последний год чаще, чем большинство знакомых. Четыре тренировки в неделю. Иногда три, если Глеб приносил из школы вирус или работа рвала график в клочья. Иногда пять, если после короткой встречи с бывшим мужем внутри становилось особенно мутно и зло.

Фитнес давно перестал быть просто заботой о здоровье. Здоровье там, конечно, присутствовало — где-то между кардио, суставной разминкой и бутылкой воды без газа. Но главным было другое: не дать телу расплзтись вслед за рухнувшей жизнью.

Не дать возрасту безнаказанно взять свое.

Не дать Ларисе, этой мягкой, теплой, совершенно никакой Ларисе, существовать в мире как живому доказательству того, что можно ничего особенного из себя не представлять — и все равно оказаться выбранной.

Надежда с силой захлопнула шкаф.

Не сейчас.

Она не хотела начинать этот день с Ларисы. Та и без того обладала даром возникать в самые неподходящие моменты — в отражении чужой витрины, в светлой куртке случайной прохожей, в интонации Максима на фоне чужого быта, в невинном Глебовом «а Лариса сказала».

Она подхватила косметичку и ушла в ванную.

Свет там был безжалостным. Верхний, резкий, с легкой больничной синевой, под которым даже двадцатилетняя студентка выглядела бы так, словно ее только что вытащили из квартального отчета. Надежда давно собиралась заменить лампу на более теплую, но каждый месяц находилось что-то экстренное: зимние ботинки Илье, куртка Глебу, оплата секции, стоматолог, коммуналка.

Она щелкнула дополнительным светильником у зеркала. Стало терпимее.

В стекле на нее смотрела женщина, которую еще только предстояло привести в порядок.

Надежда откинула волосы от лица и прищурилась.

Ее родной цвет был темно-каштановым. Густым, тяжелым, с южным оттенком, который в двадцать пять делал ее яркой, а после тридцати пяти начал старить и ожесточать черты. Поэтому много лет она красилась в светлый — не в дешевый перегидрольный блонд, а в спокойный, дорогой тон на стыке бежевого и русого. Мастер называла его «пшенично-холодным», что звучало как дурной прогноз погоды, но на фотографиях работало безотказно.

Корни чуть-чуть отросли.

Надежда наклонилась к самому стеклу.

Совсем немного. Терпимо. Если не вставать прямо под лампу и не разглядывать себя с лупой и ненавистью.

Стрижка держала форму. Крупная челка правильно ложилась на правую сторону лица. Обновить придется дней через десять, не позже. Записаться. Не забыть. Деньги. Снова нужны деньги.

Она провела по волосам расческой, затем пальцами взбила линию челки.

Темные брови на светлом лице всегда были ее козырем. В них крылась та самая природная хищность, которая не делала лицо злым, но напрочь убивала в нем провинциальную простоту. Лицо у нее вообще было не сладким. Красивым — да. Но не мягким. Очерченные скулы, живой, ироничный рот, нос с едва заметной горбинкой, который в юности доводил ее до слез, а теперь казался знаком породы. И глаза.

Глаза она любила.

Серые. Не пронзительно-голубые, не колдовские зеленые, а именно серые — с холодной, умной, цепкой глубиной. Они умели смеяться за секунду до того, как дрогнут губы. Умели слушать так, что мужчина внезапно начинал рассказывать о себе больше, чем планировал. Умели задержаться на чужом лице на долю секунды дольше положенного светского лимита — и этой доли хватало, чтобы в собеседнике что-то непоправимо сдвинулось.

Надежда прекрасно знала силу своего взгляда.

И втайне стыдилась того, как сильно от него зависела.

Она нанесла увлажняющий крем, следом — тон. Кожа постепенно стала однородной. Усталость никуда не исчезла, но послушно отступила на второй план. Как должник, которому жестко напомнили про сроки.

Точечно консилер. Капля корректора у крыльев носа. Легкая тень под скулы. Брови — главное не переборщить. Тушь. Пока не вечерняя, в один слой. Ресницы потемнели, взгляд сразу собрался, обрел резкость.

Она чуть отстранилась от зеркала.

Уже лучше.

Теперь на нее смотрело лицо женщины, контролирующей ситуацию.

Не полностью, разумеется. Полностью ситуацию не контролировал никто в этом мире — ни она, ни Максим, ни Господь Бог, ни те самые топ-менеджеры по оценке рисков, которые сегодня будут с умным видом рисовать друг другу красивые графики. Но это лицо умело делать вид. А в этой жизни иллюзии контроля часто было вполне достаточно.

Надежда выдвинула ящик и достала помаду. Покрутила золотистый футляр в пальцах. Убрала. Достала вторую. Слишком кричаще. Третья — спокойная, розовато-бежевая, из серии «свои губы, только лучше». На день — то, что нужно.

Нанесла, промокнула излишек салфеткой, посмотрела еще раз.

Мать всегда говорила: «Женщина должна быть ухоженной даже дома, Наденька. Мужчина не обязан видеть стадии твоего ремонта».

В подростковом возрасте Надежда ненавидела эти лекции. Мать вбрасывала их между делом — одергивая на ней воротник, жестко вытирая крошку со щеки, оценивающе оглядывая с ног до головы перед выходом в школу.

«Наденька, не сутулься».

«С такими волосами нельзя ходить как попало, ты не мышь».

«Девочка должна понимать, что на нее смотрят».

«Запомни: мужчины любят естественность, но только если она очень хорошо подготовлена».

Надежда выросла. Сбежала из дома. Сначала в Краснодар, потом прорвалась в Москву. Полностью сменила интонацию, гардероб, профессию, круг общения, цвет волос и фамилию.

Родила двоих сыновей, прошла через мясорубку развода, научилась не плакать при курьерах, банковских клерках и равнодушных сборщиках мебели.

Но мать все равно незримо жила в ее руке, когда та привычным, выверенным жестом поправляла челку перед зеркалом.

Отец был другим.

Он ничего не контролировал. Ни во что не вмешивался. Ничему не учил. В детстве это казалось спасительной свободой, в юности оказалось звенящей пустотой. Он мог сидеть за ужином, молча жевать, смотреть новости поверх голов, кивать на материнские тирады и не видеть никого вокруг. Если Надежда входила на кухню в новом нарядном платье, мать командовала: «Повернись». Отец на секунду отрывал взгляд от тарелки и ронял:

— Нормально.

Иногда это равнодушное «нормально» было больше любой критики.

Критика хотя бы означала, что тебя разглядели.

Надежда раздраженно провела ватной палочкой под нижним веком, стирая невидимую тень от туши.

Хватит.

Она выключила свет и вернулась в спальню.

На кровати уже лежали вещи, отсортированные на три стопки: дневное деловое, вечернее и неприкосновенный запас. В отдельной косметичке глухо звякнули украшения. Никаких гарнитуров, ничего массивного и кричащего о недостатке. Пусеты, тонкий браслет, гладкое кольцо. Жизнь давно научила ее главному правилу: по-настоящему дорогой вид создает не обилие деталей, а отсутствие лишнего.

Она бережно свернула и уложила в чемодан черное платье.

Следом легли блузка цвета слоновой кости, прямые графитовые брюки и струящийся мягкий кардиган — незаменимая вещь для бесконечных лекций в залах, где вентиляцию явно проектировал человек, ненавидящий женщин.

Она достала из шкафа цельный спортивный купальник.

Постояла, взвешивая его на ладони.

Брат?

Бассейн в таких местах, если он вообще работал, обычно славился мутной водой, скользким советским кафелем и скучающими матронами, умеющими на глаз с миллиметровой точностью определять чужой объем бедер.

Но закон подлости гласил: если его не взять, он стопроцентно понадобится.

Она бросила купальник поверх вещей и накрыла полотенцем.

Телефон на простыне завибрировал.

Заказчица торта:

«Надежда, доброе утро! Я тут все думаю про оттенок. А можно, чтобы он был не совсем белый, но и не кремовый? Как бы свежий?»

Надежда посмотрела на экран пустыми глазами.

Затем привычно застучала пальцами по клавиатуре:

«Доброе утро. Торт уже собран. Цвет получился очень нежным, ближе к благородному молочному. Вечером можете забрать заказ у консьержки, как мы и договаривались».

Отправить. Заблокировать экран.

В эту секунду ей мучительно захотелось упасть на кровать прямо поверх аккуратных стопок одежды и закрыть глаза. На десять минут. На полчаса. На ближайший год.

Вместо этого она подошла к шкафу и достала туфли.

Черные лодочки. Не новые, но из отличной кожи, растоптанные точно по ноге. Устойчивый, не агрессивный каблук. В них можно было стоять у флипчарта, долго идти по коридорам

и даже танцевать, если не терять голову. Она проверила набойки, провела большим пальцем по мыску и нащупала микроскопическую царапину. Наклонилась ближе.

Не страшно. В полумраке не блеснет. Вечерний свет вообще был главным и самым преданным союзником женщин. В отличие от утреннего.

Она убрала туфли в тканевый мешок и втиснула сбоку чемодана.

На спинке стула висело еще одно платье — темно-синее, мягкое, чуть свободного кроя. Надежда сняла его и на секунду прижала к себе.

Это был ее спасательный круг. Платье абсолютной безопасности.

В нем она смотрелась хорошо, но без надрыва. Женственно, но без отчаянной заявки на победу. Если вдруг окажется, что черный шелк — это слишком пафосно, слишком «напоказ», она всегда сможет переодеться в синее. Женщина за сорок никогда не путешествует налегке: она всегда везет с собой не только запасную одежду, но и разные варианты степени собственной смелости.

Она сложила синюю ткань рулоном и отправила следом.

Чемодан был почти полон.

Надежда села на край кровати.

В комнате на секунду стало тихо, но квартира продолжала жить за стеной: в ванной плескался Глеб, Илья что-то двигал в своей комнате, на кухне натужно гудел старый рефрижератор, да за стеной у соседей с шипением пошла по трубам вода.

Она опустила взгляд на свои руки.

Маникюр держался третий день. Темно-вишневый, глубокий, сдержанный. Она делала его у хорошего, дорогого мастера, с которой они два часа тихо говорили о прочитанных книгах, бывших мужьях, растущих ценах и о том, что «люди сейчас стали какими-то дергаными».

Прощаясь, мастер бережно провела пальцем по ее ногтю и сказала:

— Надежда, вам этот цвет безумно идет. Смотрится прямо дорого.

Надежда тогда легко улыбнулась в ответ, дежурно поблагодарила. А сама, выйдя на улицу, с горечью подумала о том, как много в ее нынешней жизни держится на этом проклятом слове «дорого».

Дорого выглядеть.

Дорого говорить.

Дорого пахнуть.

Дорого молчать.

Для этого совершенно не обязательно было быть богатой — с деньгами как раз было впритык. Нужно было просто круглосуточно производить впечатление женщины, чья жизнь не дала трещину, не откатилась на несколько станций назад, в подмосковный Подольск, в чужую съемную трешку, к дешевым пластиковым контейнерам и ночным поделкам ко Дню Победы из цветного картона.

Она рывком поднялась с кровати.

Нет. Хватит. Туда погружаться сейчас нельзя.

Надо было одеваться.

Надежда стянула через голову домашнюю футболку.

В зеркале шкафа в полный рост отразилось ее тело.

Она не отвела взгляд. Слишком много лет прожила в этой оболочке, чтобы сейчас стыдливо делать вид, будто они не знакомы. Но и теплой нежности к себе в этот момент не испытала.

Плечи были красивыми. Руки — точеными и подтянутыми, спасибо тренеру и бесконечным планкам, которые она ненавидела почти с религиозным пылом. Грудь еще сохраняла высоту, особенно при правильной поддержке. Талия прорисовывалась — если не позволять себе расслабляться ни на секунду. Бедрa стали тяжелее, чем десять лет назад. А живот после рождения Глеба так до конца и не ушел, сколько его ни втягивай, сколько ни жги мышцы пресса

на коврике, сколько ни втирай дорогие кремы с чудодейственными обещаниями, в которые верят только от глубокого отчаяния.

Она повернулась боком.

Затем анфас.

Потом снова боком.

Это был ее старый, многолетний ритуал. Инвентаризация ущерба.

Ей стало тошно от этой формулировки.

Тело не было ущербом. Это тело выносило и родило двоих здоровых пацанов. Оно работало на износ, часами стояло у раскаленной плиты, сутками сидело на жестких офисных стульях, таскало тяжелые пакеты из супермаркета, потело в зале и невероятно красиво двигалось, когда ему давали правильную музыку. Тело заслуживало благодарности.

Но благодарность плохо застегивала молнию на платье.

Она взяла утягивающее белье.

Плотная, технологичная ткань пошла вверх с глухим сопротивлением. Надежда с силой натянула ее, расправила жесткие швы на бедрах, глубоко вдохнула и шумно выдохнула. Белье обняло тело. Не ласково, а строго, дисциплинарно. Спрессовало лишнее. Выровняло линию живота. Убрало объем с бедер. Вернуло силуэту ту самую монолитную уверенность, глядя на которую окружающие обычно говорят: «Надо же, как она отлично держится».

Она бросила взгляд в зеркало.

Да.

Так в люди выходить было можно.

Не идеально, конечно. Идеально в ее возрасте выглядели только офтошопленные женщины в рекламе эстетических клиник, где за каждой легкой улыбкой стоял тяжелый потребительский кредит. Но это было хорошо. Очень хорошо. Особенно если грамотно выбрать точку освещения, держать спину струной и ни в коем случае не садиться в кресло после плотного ужина так, чтобы натянутая ткань предательски выдала все тайные переговоры тела с гравитацией и возрастом.

Она надела повседневные офисные брюки и светлую блузку — до вечернего выхода было еще слишком далеко. Сейчас требовалось выглядеть профессионально. Чуть мягче, чем в будни, но максимально собранно. Женственно, но ни в коем случае не так, будто она едет за город искать дешевых романтических приключений.

Блузка села безупречно.

Надежда застегнула пуговицы, оставив верхнюю свободной. Оценила вырез. Застегнула под горло. Посмотрела еще раз. Снова расстегнула одну.

Слишком застегнуто на все пуговицы — это тоже диагноз.

Она достала из шкатулки тонкую золотую цепочку и защелкнула замок на затылке. Без кулона. Просто холодная блестящая нить на ключицах.

Финальную укладку челки она оставила на самый последний момент перед выходом. Сейчас — только горячий фен, круглая щетка и капля масла на кончики. Волосы послушно легли в нужную форму: гладкий светлый боб, косой пробор, тяжелая прядь, прикрывающая правую скулу. Брови на контрасте стали еще выразительнее. Лицо окончательно обрело четкую, дорогую рамку.

Теперь из зеркала на нее смотрела она сама.

Не измотанная мать, которая полчаса назад искала синюю кофту. Не кухарка, мысленно фасующая макаронки по контейнерам и ненавидящая детские поделки. Другая.

Надежда Викторовна Королёва. Руководитель отдела. Женщина с породистым лицом, пронизательным взглядом и той заоблачной степенью ухоженности, которую наивные мужчины обычно называют «естественной красотой», даже близко не подозревая, сколько нервов, денег и внутренней паники ежедневно перемальвает это безостановочное производство.

Она приподняла подбородок и чуть улыбнулась своему отражению.

Улыбка вышла идеальной. Не слишком широкой и открытой. С чуть дрогнувшим левым уголком губ. И главное — с глазами.

Мужчины всегда начинали «плыть» именно в этот момент.

Не от глубокого декольте. Не от длинных ног — ноги у нее были хорошие, но не они выигрывали войны. Не от ухоженного блонда. Они плыли от того редкого ощущения, что эта женщина смотрит на них так, словно они — единственные мужчины в комнате. Что она сканирует не их должность, не возраст, не начинающуюся лысину или живот, а видит в них опасную, будоражащую кровь мужскую суть.

Она умела давать им эту иллюзию исключительности.

Иногда — даже когда совершенно не собиралась этого делать.

А иногда — именно тогда, когда очень собиралась.

Надежда резко стерла улыбку и отвернулась от зеркала.

Ей было не стыдно за это умение. Оружие есть оружие. Ей было стыдно за свою потребность постоянно проверять, работает ли оно до сих пор.

На расстеленной простыне коротко завибрировал телефон.

Она молниеносно обернулась и схватила аппарат.

Не Максим. Не рабочий чат. Очередной рекламный пуш от косметического магазина: «Секретные скидки только до конца недели!»

Надежда сухо усмехнулась. Она вдруг с ясностью поняла, что уже стоит и ждет несуществующего сообщения из будущего. От кого-то совершенно абстрактного, кого она еще даже не встретила.

Это было жалко и глупо.

Ей сорок три года. За спиной двое родов, впереди — призрачные мечты о собственной ипотеке, бывший муж, строящий жизнь с покладистой секретаршей, боль в пояснице от офисного кресла и инфантильная заказчица, не способная отличить белый цвет от молочного.

Но все равно где-то глубоко внутри, под дорогой блузкой, под компрессионным панцирем белья, под идеальной осанкой и ровным тоном лица, билась в панике маленькая, глупая девочка, которая с замиранием сердца собиралась на танцы.

Не на профильную конференцию по аудиту.

На танцы.

Она подошла к чемодану и дернула бегунок.

Молния пошла туго, застряла на повороте, впившись в ткань. Надежда жестко прижала пластиковую крышку коленом, дернула сильнее — и замок наконец сошелся.

Слишком много вещей для двух коротких дней.

Слишком много надежд для взрослой, умной женщины.

Она поставила чемодан на колесики, сгребла с кровати лишнее, взяла с комода тяжелый стеклянный флакон парфюма. Один короткий, точечный «пшик» на заднюю часть шеи, под волосы. Затем еще один — высоко в воздух перед собой. Она шагнула в оседающее облако аромата.

Не приторно-сладкий. Не удушливо-тяжелый. Теплый, горьковато-древесный, с едва уловимым цветочным шлейфом.

Максим когда-то в прошлой жизни говорил, что этот запах — «стопроцентно ее».

А потом просто перестал его замечать.

Надежда с сухим щелчком закрыла крышку флакона.

В зеркале прихожей она окинула себя последним взглядом — уже целиком.

Невысокая. Светловолосая. Максимально собранная. Деловитая, но подчеркнута женственная. Да, давно уже не молодая девочка — и слава богу. В молодых девочках всегда слиш-

ком много суетливой просьбы о любви. В ней же было больше опыта, больше жесткого вкуса и гораздо больше реальной опасности.

Фигура закована в броню и держит контур. Лицо работает как часы. Глаза живые и холодные.

Всё. Можно ехать.

Из кухни донеслось Глебово:

— Мам, а этот йогурт чей?

Надежда закрыла глаза.

— Если ты уже держишь его в руках, значит, твой.

— А если он был Ильи?

Из комнаты старшего сына мгновенно прилетело:

— Глеб!

Надежда посмотрела на свое отражение в прихожем зеркале — собранное, светловолосое, почти безупречное — и тихо выдохнула.

Почти — не считалось.

Глеб стоял у открытого холодильника с банкой йогурта в руках и скорбным выражением лица человека, которого несправедливо лишают законной добычи. Илья вышел из своей комнаты уже одетым, в накинута худи, с рюкзаком на одном плече и тем специфическим подростковым лицом, на котором одновременно умещались скука, недосып и глубокое внутреннее превосходство над происходящим.

— Это мой йогурт, — сказал он.

— Ты его не подписал, — парировал Глеб.

— Потому что я живу не в студенческом общежитии.

— Тогда откуда я должен знать?

— По тому простому факту, что он стоял на моей полке.

— У нас нет твоей полки.

— Теперь будет.

Надежда закрыла чемодан, оставила его у стены и вошла на кухню.

— Так, — скомандовала она. — Йогурт делим пополам, гражданскую войну отменяем.

Илья, ты через десять минут выходишь. Глеб, ты через пятнадцать. И если кто-нибудь сейчас скажет мне слово «несправедливо», я лично съем этот йогурт сама.

Глеб крепче прижал банку к груди.

— Он с персиком.

— Я переживу.

Илья фыркнул и с размаху бросил рюкзак на стул. Надежда тут же перехватила его и повесила на спинку.

— Не на стул. Ты сейчас плюхнешься и раздавишь пластиковый контейнер.

— Там тетради.

— Значит, раздавишь тетради. Это тоже не входит в мои утренние планы.

Она двигалась по тесной кухне быстро, на автомате: убрала грязный нож в мойку, достала чистую ложку, переложила половину йогурта в маленькую пиалу, сунула Глебу, вторую половину пододвинула Илье, смахнула крошки со стола в подставленную ладонь.

Тело уже было собрано компрессионным бельем, правильной блузкой, строгими брюками, золотой цепочкой, дорогим ароматом, но квартира с упорством маньяка всё еще пыталась вернуть ее в прежнее агрегатное состояние — в утреннюю дерганую мать, которая обязана знать, где лежит абсолютно всё, кроме ее собственного спокойствия.

— Мам, а ты уже красивая? — вдруг спросил Глеб.

Вопрос прозвучал так просто и буднично, что Надежда в первую секунду даже не поняла, куда именно он попал.

Она так и застыла у раковины с ложкой в руке. В темном зеркале прихожей за ее спиной отражалась светлая голова, четкая линия блузки, блеск цепочки на ключицах, лицо, уже приведенное к версии, с которой можно выходить к людям. Не вечерняя, роковая Надежда. Еще не та, которая наденет черный шелк. Но уже и не домашняя.

— Что значит «уже»? — медленно переспросила она.

— Ну... — Глеб задумался, тщательно облизав ложку. — Ты утром была обычная. А сейчас уже как на работе. Только красивее.

Илья коротко хмыкнул.

— Отличная классификация.

— Я нормально сказал!

— Почти по Фрейдю.

— Илья, — предупреждающе сказала Надежда.

Старший примирительно поднял руки.

— Всё. Молчу.

Но он не молчал. Она безошибочно прочитала это по его лицу.

Глеб тем временем разглядывал ее без всякой застенчивости — так прямолинейно, как дети смотрят на мать, еще не понимая, что у взрослого человека тоже есть личные границы, стыд и болевые точки, в которые лучше не тыкать пальцем.

— А ты там будешь красивая? — спросил он.

Вот теперь кухня стала тихой по-настоящему.

Не абсолютно. Старый холодильник все так же натужно гудел. За стеной кто-то снова пустил воду по трубам. Во дворе коротко взвизгнула и тут же оборвалась автомобильная сигнализация. Но внутри самой кухни воздух словно загустел.

Надежда почувствовала, как десертная ложка в ее пальцах вдруг стала тяжелой.

Можно было просто засмеяться. Сказать: «Глеб, ну что за вопросы с утра?» Можно было включить лектора и начать объяснять, что она едет работать, что женская красота тут ни при чем, что в доме отдыха соберутся скучные взрослые люди, доклады, отчеты, аудит качества и графики. Можно было, как она делала всегда, сдвинуть разговор в безопасную бытовую плоскость.

Но Глеб смотрел на нее снизу вверх прямо и доверчиво.

Ему было восемь. В его системе координат «быть красивой» еще не означало ни изматывающей войны с возрастом, ни тайной конкуренции с другой женщиной, ни отчаянной попытки вернуть себе оценивающий взгляд чужого мужчины. Для него этот вопрос звучал почти как: «Мам, ты там будешь в порядке?»

Надежда аккуратно положила ложку на стол.

— Постараюсь, — сказала она.

Илья не сразу поднял на нее глаза. Он сидел, ссутулившись, лениво размешивая остатки своего йогурта, но Надежда уже спинным мозгом почувствовала: сейчас он скажет что-то лишнее. Не потому, что хотел специально ударить. Именно поэтому, наверное, сейчас и ударит.

— Ты всегда стараешься, — ровным голосом произнес Илья.

Тихо. Почти без интонации. Словно просто констатировал очевидный, скучный факт.

И сразу же снова уткнулся взглядом в банку с йогуртом.

Надежда несколько долгих секунд смотрела на его макушку.

Можно было вспыхнуть и обидеться. Можно было резко, по-матерински спросить, что именно он имеет в виду. Можно было встать в позу: «Не дерзи матери», «Я вообще-то только ради вас двоих и стараюсь», «Когда вырастешь, тогда и поговорим». Вариантов ответа была масса, и все они были бы трусливой ложью или глухой защитой.

Потому что сын не дерзил.

Он просто увидел.

И именно в этом заключалось самое неприятное.

Она вдруг ясно представила, как вся ее жизнь выглядит со стороны. Не с ее позиции, где каждый жест имел причину, каждый крем — цену, каждое платье — стратегическую функцию, каждая тренировка — необходимость, а каждое сверхусилие — оборону от распада. А с его, сухой подростковой стороны: мать всегда старается. Старается безупречно выглядеть. Старается держать лицо. Старается не сорваться на крик. Старается казаться легкой. Старается быть железобетонно сильной. Старается не показывать, как ей по ночам бывает страшно. Старается так сильно, что воздух вокруг нее иногда становится тугим.

Глеб переводил недоуменный взгляд с брата на мать.

— А что в этом плохого? — искренне спросил он. — Стараться — это же хорошо.

И вот это почему-то оказалось еще большее.

— Конечно, хорошо, — ответила Надежда.

Голос получился ровным. Почти нормальным.

Илья наконец посмотрел на нее. В его колющем взгляде промелькнуло что-то неуверенное, почти виноватое. Он, кажется, тоже сообразил, что попал глубже, чем собирался.

— Я не это имел в виду, — пробормотал он себе под нос.

— А что?

Он дернул плечом.

— Ничего.

Это подростковое «ничего» было универсальным дешевым пластырем, которым в этом возрасте заклеивают любые неудачные попытки сказать правду.

Надежда коротко кивнула.

— Тогда доедайте.

Она отвернулась к раковине, включила воду, хотя мыть там было уже решительно нечего. Ей просто необходимо было на секунду убрать лицо из зоны их видимости.

«Ты всегда стараешься».

Фраза легла на внутреннюю поверхность кожи липкой холодной пленкой.

Всегда.

Сколько она себя помнила, она действительно только и делала, что старалась.

Сначала — изо всех сил, чтобы строгая мать не поджала неодобрительно губы.

Потом — чтобы отстраненный отец хотя бы раз сказал не дежурное «нормально», а «красивая».

Потом — чтобы в Краснодаре не выглядеть наивной девочкой из маленького городка.

Потом — чтобы в Москве никто не услышал в ее речи южную провинцию.

Потом — чтобы Максим смотрел на нее точно так же, как в первые месяцы после свадьбы.

Потом — чтобы он просто не ушел.

Потом — чтобы после его унижительного ухода все вокруг видели: она не развалилась, она справилась.

А теперь она старалась для того, чтобы на выезде, в каком-то дурацком подмосковном доме отдыха, никто, не дай бог, даже не догадался, сколько в ней этого круглосуточного, сжигающего усилия.

— Мам, — позвал Глеб уже осторожнее. — А я же правильно сказал? Ты там будешь красивая?

Надежда выключила воду и повернулась.

Он сидел на стуле, обхватив пустую пиалу двумя руками. Маленький, взъерошенный, в дурацкой синей кофте, которую она двадцать минут назад нашла за него. На верхней губе у него засох светлый след от йогурта.

И этот ребенок, зачатый в самое темное время ее рассыпающегося брака, смотрел на нее сейчас так, будто ее красота была чем-то простым, базовым и не требующим доказательств.

Как смена времен года. Как мамин голос из коридора. Как то, что она всегда знает, где лежит его кофта.

Она подошла ближе и большим пальцем мягко стерла йогурт с его губы.

— Ты всё правильно сказал, — ответила она. — Я буду красивая.

Глеб удовлетворенно кивнул, принимая гарантию.

— Тогда точно привези мне что-нибудь.

Илья на соседнем стуле прыснул.

Надежда тоже улыбнулась — уже по-настоящему, с облегчением.

— Вот она, истинная причина твоего повышенного интереса.

— Только не магнит, — деловито уточнил Глеб. — Магниты вообще бесполезные.

— Я зафиксировала.

— И не открытку с пейзажем.

— Господи, какой сложный, капризный заказчик.

— Весь в тебя, — подал голос Илья.

Она с интересом посмотрела на старшего.

— Это сейчас было опасно близко к комплименту.

— Не обольщайся и не привыкай.

Он снова спрятался за своей кружкой, но звенящее напряжение на кухне немного отпустило. Не исчезло бесследно — нет. Сказанное уже никуда не делось. Просто кухня снова стала обычной кухней, а не хирургическим столом, где подросток между ложками йогурта случайно вскрыл мать до кости.

Надежда бросила быстрый взгляд на часы.

— Всё. Сворачиваемся. Обуваться. Оба.

Глеб театрально вздохнул, всем своим видом показывая, что его отправляют на каторгу.

— А можно я сегодня пойду без шапки?

— Можно. Если хочешь слечь с температурой и сорвать мне всю следующую рабочую неделю.

— Тогда, получается, нельзя?

— Именно.

— Ну ты могла бы сразу так сказать.

— Я люблю, когда ты сам путем логических умозаключений приходишь к правильному выводу.

Илья закинул рюкзак на плечо.

— Мам, ты сегодня во сколько стартуешь?

— Примерно через час.

— Откуда?

— От главного офиса организаторов. Там будет общий трансфер.

— А обратно?

— В воскресенье днем. Я напишу.

Он коротко кивнул.

Повисла крошечная пауза.

— Если что, я Глеба вечером проконтролирую.

Он сказал это максимально небрежно. Почти через плечо, глядя в окно. Но Надежда безошибочно услышала под этой колючей подростковой небрежностью всё то, что он сам отчаянно не хотел показывать: настоящую заботу, тревожную ответственность, неуклюжую попытку быть взрослым мужчиной и одновременное раздражение от того, что этим взрослым ему быть приходится.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Илья поморщился, будто ее благодарность была чем-то физически неловким.

— Только не надо мне из своего дома отдыха каждые полчаса строчить в мессенджер.

— Не буду.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты будешь.

— Я постараюсь не писать.

— Ты всегда стараешься, — радостно встрял Глеб, совершенно не понимая, что только что процитировал заложенную мину.

На этот раз Надежда рассмеялась первой.

Илья тоже улыбнулся, уже открыто и тепло.

— Всё, — скомандовал он. — Пошли, философ.

— Я не философ, — возмутился младший. — Я в школу!

— В твоём случае это почти одно и то же.

Они вышли в тесную прихожую. Глеб долго, с кряхтением искал шапку, которая лежала у него перед носом на тумбочке. Илья молча поднял ее и натянул брату на голову так низко, что тот сразу замахал руками.

— Я же ничего не вижу!

— Зато уши в тепле.

— Мам!

— Илья, не издевайся над ребенком.

— Я не издеваюсь, я забочусь.

— Заботься более гуманными методами.

Надежда привычно проверила Глебов рюкзак, сунула ему в боковой карман упаковку влажных салфеток, напомнила про продленку, еще раз строго сказала Илье про ключи. В какой-то момент она с ужасом поняла, что по кругу повторяет одно и то же уже в третий раз, и усилием воли заставила себя замолчать.

Глеб обнял ее первым. Быстро, крепко, навалившись всем телом, как умел обнимать только он.

— Ты точно вернешься в воскресенье?

— Абсолютно точно.

— И подарок?

— И подарок.

— Без магнита?

— Без магнита.

Он отлип от нее, полностью удовлетворенный подписанным договором.

Илья стоял у входной двери. Высокий, сутулый, угловатый, уже почти не ребенок. Обниматься он, конечно же, не собирался. Но перед тем как нажать на ручку двери, вдруг на секунду задержался.

— Зонт возьми, — не глядя на нее, сказал он. — Там вечером дождь будет.

— Ты уже прогноз посмотрел?

— Мам, в телефоне всё есть, помнишь?

Она мягко улыбнулась.

— Помню.

Он открыл дверь.

— И... нормально съезди там.

Фраза прозвучала коряво, неловко. Как будто он хотел сказать ей что-то другое, гораздо более важное, но не смог подобрать правильную взрослую форму.

Надежда почувствовала, как что-то горячее и мягкое сжалось у нее под ребрами.

— Спасибо, Илья.

— Давай, Глеб, двигай, — грубовато буркнул он брату, словно испугавшись собственной секундной нежности. — Мы сейчас опоздаем.

Глеб уже с топотом выбежал на лестничную площадку, потом вдруг вернулся на полшага назад:

— Мам!

— Что?

— Будь красивая!

И с грохотом умчался вниз по ступеням.

Илья страдальчески закатил глаза к потолку, но снова тепло улыбнулся.

Дверь щелкнула и закрылась.

На этот раз квартира действительно стала пустой и тихой.

Надежда осталась в прихожей одна — собранная, профессионально покрашенная, в строгой светлой блузке, с дорогим ароматом на шее и чужой звенящей детской фразой внутри.

«Будь красивая».

«Ты всегда стараешься».

Она подняла взгляд и посмотрела на себя в зеркало.

— Постараюсь, — сказала она тихо.

И только теперь позволила себе шумно, с облегчением выдохнуть.

Телефон на тумбочке коротко, по-деловому завибрировал почти сразу после того, как закрылась дверь за детьми.

Надежда скользнула взглядом по экрану и несколько секунд просто стояла посреди прихожей, не двигаясь.

Максим.

Не звонил. Писал. Это было в его неизменном стиле последних лет: не вторгаться живым голосом туда, где еще могла вспыхнуть эмоция, а отправлять короткие, стерильные сообщения, похожие на служебные записки.

«Перевел за секцию Ильи. Посмотри, дошло ли».

Через несколько секунд булькнуло второе:

«В эти выходные Глеба не заберу. У нас планы. На следующей неделе договоримся».

Надежда перечитала второе сообщение. Потом еще раз.

Не потому, что не поняла смысла. Поняла сразу.

Просто два коротких слова — «у нас» — стояли в тексте так спокойно, буднично и законно, будто имели полное право там находиться.

У нас планы.

Не «я не смогу». Не «извини, накладка». Не «у меня не получается».

У нас.

Максим и Лариса. Их новое, официально оформленное, уютное бытовое «мы», которое почему-то до сих пор било под дых сильнее, чем сам факт измены. Измена хотя бы была событием. Ее можно было ненавидеть, обсуждать с подругами, прокручивать в голове, снова и снова доставать из памяти, как острый нож.

А «у нас планы» было уже просто чужой жизнью.

Продолжившейся жизнью.

Жизнью, которая совершенно не развалилась от того, что ее собственная треснула пополам.

Надежда до побеления костяшек сжала телефон и почувствовала, как только что выстроенный образ внутри начинает рассыпаться. Не снаружи — снаружи броня держала удар. Тон, тушь, правильный излом бровей, помада, холодная цепочка на ключицах. Но где-то под всем этим, в мягком, незащищенном солнечном сплетении, старая боль снова подняла голову.

Она открыла клавиатуру.

Набрала:

«Дошло».

Посмотрела на второе сообщение.

Стерла уже начатое злое:

«У тебя вообще-то двое детей, если ты забыл».

Стерла следующее, колкое:

«Какие еще планы?»

Стерла третье, самое жалкое:

«С Ларисой?»

В итоге ровно набрала:

«Хорошо».

Поставила точку. Посмотрела на экран. Стерла точку. Без точки ответ выглядел мягче, будто ей все равно. С точкой — холоднее и жестче.

Она вернула точку.

«Хорошо.»

Отправила.

Почти мгновенно Максим ответил:

«Спасибо».

И на этом всё.

Спасибо.

Как будто она была не живой женщиной, с которой он делил постель и быт почти пятнадцать лет. Не матерью его сыновей. Не тем человеком, который когда-то ночью в панике держал его за руку в приемном покое, когда у него прихватило сердце от офисных переработок. Не той, кто рожала Глеба в момент, когда их брак уже трещал по швам и стоял на тонком льду.

А просто удобным контрагентом, дежурно подтвердившим получение информации.

Надежда положила телефон на тумбочку экраном вниз.

Сделала шаг на кухню. Потом развернулась и снова взяла аппарат.

Это было невыносимо унижительно — то, как рука сама не отлипала от черного прямоугольника. Словно на этом погасшем экране еще могло появиться что-то, способное отменить или хотя бы смягчить фразу «у нас планы».

Но ничего не появилось.

Она зашла в банковское приложение. Деньги за секцию действительно висели на счету.

Максим исправно платил. И в этом крылась отдельная издевательская несправедливость.

Если бы он оказался конченным подонком, было бы в сто раз проще. Если бы исчез, забыл о детях, прятал доходы, задерживал алименты, врал или хамил — ее злость могла бы опереться на прочный фундамент. Можно было бы с чистой совестью говорить: «Он нас бросил». Можно было бы ненавидеть его без всяких сносок и поправок.

Но Максим не исчез.

Он регулярно переводил деньги.

Забирал детей, когда позволял график.

Покупал Илье дорогие кроссовки.

Привозил Глебу навороченные конструкторы.

Звонил строго по делу.

Не орал.

Не унижал.

Не говорил ей гадостей.

Он просто взял и перестал быть ее мужем.

И это почему-то оказалось самым жестоким поступком из всех возможных.

Надежда вернулась в спальню и тяжело опустилась на край кровати, хотя всего пятнадцать минут назад клялась себе не садиться, не распускаться и не портить стрелки на брюках. Чемодан молча стоял у стены, готовый к отъезду. Черное шелковое платье лежало внутри, упакованное куда бережнее, чем большинство ее надежд.

Она закрыла глаза.

Лариса возникла под веками мгновенно.

Не как живой реальный человек — реальную Ларису Надежда почти не знала. Она всегда возникала набором вьевшихся деталей, от которых невозможно было отмахнуться: светлая дутая куртка у школьного забора, мягкое круглое лицо на случайной фотографии в соцсетях, аккуратные русые волосы, чуть виноватая полуулыбка, бумажный стаканчик с кофе в руке.

Надежда видела ее вблизи всего однажды. Почти случайно.

Максим тогда привозил Илье забытые вещи после выходных. Это было уже после развода. После всех тяжелых разговоров, унижительных подписей в кабинетах, глухого дележа имущества, беззвучных слез на кафельном полу в ванной, бессонных ночей с младенцем Глебом на руках и тех чудовищных утренних состояний, когда она просыпалась с физическим ощущением, что ночью из нее вынули несущую стену.

Он приехал не один.

Лариса осталась ждать в машине.

Она сидела на пассажирском сиденье. В той самой светлой куртке, без сложной укладки, без особого макияжа, просто убрав волосы за уши. Не красавица. Даже не та эффектная женщина, про которую прохожие могли бы понимающе кивнуть: «Ну да, тут всё ясно».

Она была обычная.

И вот это было хуже всего.

Не юная, длинноногая хищница с идеальным прессом. Не роковая стерва из бульварного романа, ради которой сидящие мужчины теряют остатки разума и спускают состояния.

Просто обычная женщина. С мягким лицом, простыми руками и каким-то уютным, домашним, почти извиняющимся спокойствием.

Надежда тогда стояла у подъезда с пакетом вещей Ильи, обдуваемая ледяным ветром, и неотрывно смотрела на нее сквозь лобовое стекло.

Первая мысль была почти детской:

«Нет. Не может быть. Только не из-за нее».

А вторая мысль догнала ее чуть позже. В гудящем лифте. Когда железные двери закрылись, когда Максим уехал в свою новую жизнь, когда колючий Илья молча скрылся в комнате, а маленький Глеб вдруг заплакал из-за рассыпанных на ковре кубиков.

Вторая мысль была страшнее:

«Значит, дело не в ней. Значит, дело во мне».

Надежда резко открыла глаза.

В спальне было светло, тесно и очень обыденно. Никакой киношной драмы. Просто смятая постель, темный шкаф, чемодан, гладкая ткань блузки на ее теле, брошенный телефон и холодная золотая цепочка на ключицах.

Она встала и подошла к зеркалу.

Лицо держало удар.

Отлично держало. Даже слишком хорошо. Женщина в стекле не выглядела ни брошенной, ни униженной, ни замененной. Она выглядела собранной, дорогой, чуть надменной, с умными серыми глазами и той самой хищной линией бровей, из-за которой кассиры в дорожных бутиках начинали разговаривать с ней уважительнее, даже если у нее на карте оставались считанные копейки до аванса.

И всё равно Максим выбрал не ее.

Не кого-то лучше.

Не кого-то красивее.

Не кого-то интереснее.

Он выбрал другую.

Надежда всем своим существом ненавидела это слово.

«Другая» — слишком простое, слишком плоское. Оно ничего не объясняло. В нем не было ни грамма логики и справедливости. Если бы Лариса объективно была лучше — можно было бы стиснуть зубы и проиграть честно. Если бы она была моложе на двадцать лет — можно было бы высокомерно списать всё на банальный кризис среднего возраста. Если бы она была ослепительно красива — на мужскую слабость. Если бы богата — на холодный расчет.

Но Лариса была просто другой.

Более удобной. Более теплой. Более простой.

И, возможно, рядом с ней Максиму больше не нужно было каждый божий день сдавать изматывающий экзамен на то, что его жизнь безупречно удалась.

Эту мысль Надежда гнала от себя сильнее прочих.

Потому что она слишком походила на правду.

Она рывком отвернулась от зеркала и пошла на кухню. Нужно было оставить записку консьержке. Вынести мусор. Перепроверить паспорт. Не позволить Максиму и его крошечному слову «у нас» сожрать всё ее утро.

На столе всё еще лежал лист с программой конференции. Надежда машинально взяла его, сложила пополам, затем снова развернула.

Вечерняя программа.

Сейчас эта сухая строчка вдруг показалась ей почти неприличной.

Как будто безымянные организаторы, сами того не ведая, вписали туда не банкет, не корпоративную музыку и не стандартный набор усталых развлечений под плохой свет, а маленькую, пульсирующую возможность.

Не счастье, нет. Она давно выросла и перестала быть душой. И уж тем более не любовь. Настоящая любовь не приезжает по расписанию корпоративного трансфера.

Но это была возможность.

Возможность того, что на нее посмотрят.

Посмотрят не как на бывшую жену Максима Королёва.

Не как на уставшую мать Ильи и Глеба.

Не как на сильную женщину, которая «прекрасно со всем справляется».

И уж точно не как на того удобного человека, которому можно между делом написать: «У нас планы».

А посмотрят так, словно она всё еще способна обжечь и остановить на себе мужской взгляд за секунду до того, как этот мужчина вспомнит про собственную скучную жизнь.

Телефон в кармане брюк снова завибрировал.

Надежда резко выхватила его, ожидая увидеть на экране имя бывшего мужа.

Но это был не Максим.

Заказчица торта:

«Надежда, извините, что дергаю! А ваш “благородный молочный” — это ближе к айвори или всё-таки к сливочному? Я просто боюсь, что сливочный будет желтеть на фото...»

Надежда несколько долгих секунд неотрывно смотрела на этот текст.

А затем рассмеялась.

Тихо. Горько. Совершенно без веселья. Но рассмеялась в голос.

Вот она, настоящая жизнь. Никакой тебе трагедии крупным планом. Никакой эффектной театральной мизансцены, где красивая брошенная женщина с разбитым сердцем стоит у окна под шум дождя.

Ее реальность — это бывший муж со своими новыми планами, обычная Лариса со стаканчиком кофе, торт цвета черт знает чего, растущие дети, которым категорически нельзя болеть, упакованный чемодан в коридоре и скучная конференция по управлению рисками, на которую она сейчас возлагает рискованно много надежд.

Она открыла клавиатуру и быстро набрала:

«Ближе к айвори. Цвет получился очень удачным и холодным. Не переживайте».

И в конце добавила дружелюбный смайлик.

Потому что заказчица переживала.

Потому что Надежда Викторовна всегда виртуозно умела успокаивать чужих, незнакомых женщин.

Даже в те моменты, когда сама стояла посреди пустой кухни и нечеловеческим усилием воли держала собственное лицо.

Она нажала «отправить», вытащила мусорный пакет из ведра, затащила пластиковые уши тугим, злым узлом и выставила его к входной двери.

Затем вернулась в прихожую и остановилась перед зеркалом для финальной проверки.

Гладкая блузка. Идеальные брюки. Холодная цепочка. Светлые волосы. Живые, колючие глаза. Ровный контур губ, на котором уже не было видно ни Максима, ни Ларисы, ни этого липкого, унижительного слова «другая».

Она безупречным жестом поправила челку.

— Нормально, — сказала она вслух своему отражению.

И тут же криво усмехнулась.

Отцовское слово.

Самое бедное, самое трусливое слово на свете.

Нет, подумала она, потянувшись к ручке чемодана. Не нормально.

Сегодня нужно было выступить гораздо лучше, чем просто нормально.

Сегодня нужно было сделать всё так, чтобы ни один человек в мире ни о чем не догадался.

Подъезд встретил ее привычным запахом сырого бетона, старой краски и чьего-то вчерашнего жареного ужина.

Надежда вышла с чемоданом, перекинутой через плечо сумкой и мусорным пакетом в руке. На секунду остановилась перед закрытой дверью, проверяя, всё ли выключила: окна, воду, свет, плиту. Эта проверка была мышечной, а не умственной. Даже если бы она сейчас вернулась и проверила всё заново, то, спустившись в лифте, всё равно начала бы сомневаться.

Она нажала кнопку вызова.

Лифт не приехал.

Где-то глубоко внизу он глухо, механически вздохнул, дернулся и замер.

— Конечно, — сказала Надежда в пустоту.

Сверху послышались шаги. Соседка с девятого, женщина в куцем пуховике и с маленькой собакой под мышкой, спускалась пешком. Собака смотрела на Надежду с таким высокомерным выражением, будто именно эта женщина с чемоданом несла персональную ответственность за техническое состояние всего подъезда.

— Доброе утро, — поздоровалась соседка.

— Доброе.

— Опять лифт чудит?

— Видимо.

Соседка сочувственно покосилась на багаж.

— Уезжаете?

— На два дня. По работе.

— Хорошо вам.

Надежда улыбнулась автоматически. Люди часто говорили «хорошо вам», не имея ни малейшего представления о том, что именно человеку хорошо.

— Посмотрим, — коротко ответила она.

Лифт наконец ожил, поднялся с тяжелым скрежетом и распахнул двери. Внутри пахло влажной курткой, металлом и дешевым мужским дезодорантом.

Надежда вошла, поставила чемодан перед собой, мусорный пакет — у ног. В исцарапанной зеркальной панели отразилась женщина со светлыми волосами, в гладкой деловой блузке, с черным пальто на руке и глазами, которые выглядели куда спокойнее, чем она себя чувствовала.

Хорошо.

Пусть выглядят.

На первом этаже она выбросила мусор в контейнер и подошла к стойке консьержки — предупредить про торт. Еще раз объяснила, что заказчица придет вечером и назовет фамилию. Консьержка, грузная женщина в колючей вязаной кофте поверх форменной голубой рубашки, слушала ее с выражением человека, которому за эту жизнь доверяли тайны и пострашнее.

— Не переживайте, Надежда Викторовна, — басом ответила она. — Отдам в лучшем виде.

— Он в холодильнике. Коробка белая, сверху наклейка.

— Помню я вашу коробку.

— Там аромат очень нежный, не ставьте рядом с селедкой, пожалуйста.

Консьержка посмотрела на нее поверх приспущенных очков.

— У нас тут, слава богу, не рыбный рынок.

— Простите.

— Езжайте уже. А то как всегда — сама с утра всех построила, а потом бегом.

Надежда неожиданно искренне рассмеялась.

— Это моя базовая стратегия.

— Плохая стратегия, — буркнула консьержка, но уже без злости. — Зонт взяли?

Надежда замерла.

Илья.

Зонт остался стоять в прихожей. Ну конечно.

Она прикрыла глаза.

— Не взяла.

Консьержка молча крикнула, наклонилась, достала откуда-то из-под стола старый мужской складной зонт с потертой ручкой и протянула ей через стойку.

— Вернете.

— Спасибо.

— И на автобус свой не опоздайте.

Вот это было странное утреннее тепло — не красивое, не романтическое, с запахом сырого подъезда и старого нейлона, но абсолютно настоящее. Надежда сунула тяжелый зонт в боковой карман сумки и толкнула металлическую дверь.

Апрельский воздух ударил в лицо сыростью.

Было прохладно, но не морозно. Та самая подмосковная весенняя погода, когда зима вроде бы ушла, но мстительно оставила после себя мокрые следы, грязные бордюры, низкое небо и недоверие ко всему зеленому. На тонких ветках кустов у подъезда набухли почки. Если присмотреться, в них уже пульсировала жизнь. Если не присматриваться — двор казался просто беспросветно серым.

Надежда покатила чемодан к дороге.

Такси уже ждало — белая иномарка с грязными потеками на дверях и унылым плюшевым осьминогом, болтающимся на зеркале. Водитель, мужчина лет пятидесяти с красными от недосыпа глазами и лицом человека, глубоко оскорбленного необходимостью работать по утрам, вышел помочь с багажом.

— Куда едем?

— К офисному центру на Новослободской. Там точка сбора.

— Через МКАД поедem, там сейчас живее.

— Как скажете.

Она села на заднее сиденье, пристегнулась и поставила сумку рядом. Машина тронулась. Подольский двор медленно поплыл назад, превращаясь в декорации: типовая детская площадка, лужи, переполненные мусорные баки, сутулая женщина с авоськой, мужчина в синей рабочей куртке, мальчишка с рюкзаком, похожим на рюкзак Глеба.

Надежда вдруг резко повернула голову, словно надеялась увидеть сыновей на соседней дорожке. Но их там не было.

И хорошо.

И не очень.

Она достала телефон.

От Ильи сообщений не было. От Глеба — тоже. В общем родительском чате какая-то сумасшедшая мама уже уточняла, можно ли принести поделку во вторник. В рабочем чате коллеги вяло обсуждали акт, на который она ответила еще на кухне. Максим молчал. И это было правильно. Пусть молчит.

Надежда открыла электронную почту и нашла рассылку с программой конференции.

Список участников был прикреплен отдельным файлом. Она не собиралась его изучать, но палец сам нажал на иконку загрузки.

Фамилии, должности, названия организаций.

Руководители отделов внутреннего контроля. Специалисты по аудиту качества. Методисты. Представители филиалов. Технические службы. Координаторы проектов. Кто-то из Москвы, кто-то из области, кто-то из соседних регионов.

Она профессионально пробежала глазами по строчкам.

Ковалёв Дмитрий Сергеевич — руководитель филиала.

Фамилия не сказала ей ровным счетом ничего. Но должность зацепила внимание. Руководитель филиала — это уже не просто рядовой участник, это человек с реальным весом. С такими обычно бывает интересно перекинуться парой слов на кофе-брейках, если, конечно, они не наглухо застегнуты в свою бюрократическую броню.

Нижe:

Серов Андрей Николаевич — руководитель административно-технического отдела.

Тоже не знакомо.

Она закрыла файл.

А через секунду открыла снова.

Господи.

Она иронично усмехнулась сама себе. Вот оно и началось: еще даже не доехала до места, а уже сканирует сухой корпоративный список так, будто между строк написано что-то важное про ее будущие два дня.

Машина выехала на широкую трассу. Вдоль обочин потянулись автосервисы, бетонные заборы складов, маленькие павильоны с кричащими вывесками «Шины», «Цветы», «Шаурма», «Стройматериалы». Город постепенно распадался на промзоны, съезды, заправки, серые шумозащитные экраны и мокрые рекламные щиты. Затем снова собирался в плотные массивы домов, дворы, стеклянные остановки и людей с тяжелыми пакетами.

Подольск оставался за спиной.

Когда-то любой, даже самый рутинный выезд в Москву казался ей невероятным подъемом. Даже если ехать приходилось в промерзшей электричке, стоя в тамбуре, с тяжелой сумкой на плече и чужим локтем под ребрами. Москва тогда была не просто городом. Москва была личным доказательством того, что она выбралась.

Сначала — из южного, тесного мира, где все соседи знали, чья ты дочь, что на тебе надето и почему ты вчера так поздно вернулась.

Потом — из Краснодара, который казался огромным ровно до тех пор, пока она не поняла, что большой город измеряется не количеством улиц, а количеством возможностей заново придумать себя.

Потом — в столицу, где можно было научиться говорить чуть тише, одеваться чуть строже, улыбаться чуть меньше и становиться женщиной, про которую никто уже не спрашивал с подозрением: «А вы не местная?»

Она стала.

Почти.

А потом случился Максим. Его чистая квартира, его железобетонная уверенность, его московские привычки. Их первые общие ужины, совместные покупки, рождение Ильи. То пьянящее ощущение, что жизнь наконец перестала быть черновиком и стала чистой версией.

Но потом всё сдвинулось с оси.

И теперь она ехала по серой трассе из Подольска в Москву, с чемоданом на два дня и слишком бережно упакованным черным платьем.

И всё-таки сегодня в этом монотонном движении снова было что-то от того забытого подъема.

Не назад — в жизнь, где всё было потеряно.

А вперед — пусть даже всего на двое суток, пусть даже в стандартный дом отдыха с пластиковыми бейджами, душными секциями по внутреннему контролю и вечерней программой неизвестного качества.

Водитель щелкнул кнопкой радио. Из хриплых динамиков полилась старая, затертая песня, в которой мужской голос обещал кому-то неземную любовь до конца времен с той железобетонной уверенностью, с какой реальные взрослые мужчины обычно обещают только захватить за ребенком, «если получится по времени».

Надежда отвернулась к мокрому окну и улыбнулась.

Этот смех уже не был горьким. Скорее светлым и чуть усталым.

За стеклом мелькали темные, влажные стволы деревьев. На некоторых ветках уже проступала тонкая, неуверенная зеленая дымка. Никакого настоящего тепла еще не было, но его робкое обещание висело в воздухе. Слабое, почти несерьезное. Точно такое же, как ее первая утренняя мысль о том, что грядущий вечер может оказаться не просто дежурным ужином с коллегами.

Телефон на коленях мигнул.

Сообщение от Глеба, отправленное с номера старшего брата:

«Мам, Илья сказал, что ты забыла зонт, но я сказал, что ты умная и взяла. Ты взяла?»

Надежда рассмеялась уже в голос, по-настоящему.

Быстро набрала:

«Взяла. Консьержка спасла. Учись у взрослых женщин стратегическому резерву».

Через минуту телефон звякнул снова:

«Глеб спрашивает, что такое резерв. Я сказал, что это когда мама все равно победила».

Это писал уже Илья. Она поняла это по интонации.

Надежда смотрела на светящийся экран, и в груди становилось горячо и мягко.

Не приторно-сладко. Не до киношных слез. Просто мягко.

«Передай Глебу, что резерв — это запасной план. И спасибо тебе».

Ответ пришел не сразу.

«Ок. Нормально съезди».

Она не стала отвечать мгновенно, хотя большой палец сам дернулся к клавиатуре. Не надо. Пусть останется так. Подростковые редкие теплые слова нельзя ловить слишком резко — они пугливы и могут вспорхнуть.

Она заблокировала экран и положила телефон обратно на колени.

Машина уже входила в Москву.

Серый автомобильный поток стал плотнее, окна зданий — выше, вывески — дороже, шаг прохожих — быстрее. Город встречал ее без всякой нежности, как и всегда. Москва никого не обнимала у порога. В лучшем случае — допускала к очередному экзамену.

Но Надежда вдруг всем телом почувствовала, что ей именно этого сейчас и не хватало. Экзамена.

Возможности снова выйти в полный людей зал, поправить пластиковый бейдж на груди, улыбнуться, сказать правильные слова, поймать на себе чей-то долгий взгляд и понять: да, она еще здесь.

Она не осталась в прошлом. Не растворилась в чужом, предательском «у нас». Не исчезла без остатка в детских кофтах, контейнерах с макаронами и бесконечных родительских чатах.

Она здесь.

Машина плавно затормозила у высотного офисного центра на Новослободской. У вращающихся дверей уже стояла небольшая пестрая группа людей с дорожными сумками и чемоданами. Кто-то нервно курил под стеклянным козырьком. Кто-то пил кофе из картонного стакана. Кто-то смеялся — слишком громко и оживленно для раннего хмурого утра. Рядом с припаркованным туристическим автобусом мужчина в темной куртке деловито сверял людей со списком на планшете. Надежда расплатилась, коротко поблагодарила водителя и вышла из машины.

Маленькие силиконовые колесики чемодана глухо стукнули по мокрому асфальту.

Пахло дешевым кофе навывнос и сложным коктейлем чужих утренних парфюмов.

Надежда остановилась у края тротуара, сжимая выдвигающую ручку чемодана. Резкий апрельский ветер тут же попытался забраться под распахнутое пальто, но она принципиально не стала застегиваться. Лишь привычным движением поправила челку, проверила ремень сумки на плече и еще раз скользнула взглядом по темному тонированному стеклу входных дверей.

Отражение не подвело.

Светлая ухоженная голова. Безупречная линия блузки. Тонкая, гордая линия шеи. Собранный, непроницаемый лицо. Никаких следов Подольска, утренней пригоревшей яичницы, поисков синей кофты и той предательской фразы из мессенджера: «У нас планы».

Ни единого следа.

Во всяком случае, если не подходить ближе, чем на три метра.

Она улыбнулась и сделала уверенный шаг навстречу группе.

На эти два коротких дня она оставляла дома не детей — дети оставались с подробными инструкциями, контейнерами, продленкой и запасными планами.

Дома она оставляла ту уставшую версию себя, которая всем кругом была должна.

А с собой брала совершенно другую: светловолосую, собранную, опасную и еще отчаянно способную надеяться.

Пусть даже совсем немного.

Пусть даже это было глупо.

Пусть даже всего до воскресенья.

Глава 2. Трансфер. Люди становятся людьми

У входа в офисный центр уже плотно сгустилась толпа участников. «Выездная практическая сессия специалистов по внутреннему контролю» — в программе это называлось длинно, казенно и почти безнадежно. Люди стояли группами, сжимали в руках картонные стаканчики, папки и ноутбучные рюкзаки. На их лицах еще сохранялась рабочая мина пятницы, но сквозь нее уже отчетливо проступало что-то более живое и неофициальное.

Кто-то судорожно курил под стеклянным козырьком. Кто-то морщился от горького кофе. Две женщины в тяжелых пальто оживленно спорили:

— Я только надеюсь, что в номере будет нормальная ванная, а не душ с дыркой в полу.

— Светлана, ну это же не пионерлагерь, это корпоратив.

— Ты в прошлом году тоже так пела.

Чуть в стороне молодой координатор в форменной куртке яростно сверял людей с планшетом. На его лице застыла преждевременная усталость человека, который только что осознал: взрослые люди на выезде отличаются от первоклашек только весом багажа.

Надежда подошла к нему.

— Доброе утро.

Координатор вскинул голову, мгновенно оценил ее — от чемодана до кончиков ресниц — и выдал профессиональную улыбку.

— Доброе. Фамилия?

— Королёва. Надежда Викторовна.

Он пролистнул список.

— Королёва... да, есть. Отдел внутреннего контроля и аудита качества?

— Всё верно.

— Отлично. Бейджи получите на месте, при регистрации. Проживание — шестой корпус, второй этаж. Сейчас сдаете багаж в автобус, посадка через десять минут.

«Шестой корпус».

Слово отозвалось в памяти чем-то из глухого советского прошлого, где по утрам пахнет манной кашей, вечером крутят кино в актовом зале, а застиранные простыни хранят запах чужой, казенной жизни.

— Спасибо, — кивнула Надежда.

— Автобус вон тот, белый. Только багажный отсек пока не захлопываем, еще люди подходят.

Она покатила чемодан по неровному асфальту.

У багажного люка рослый мужчина в темной куртке помогал какой-то грузной даме пристроить огромную клетчатую сумку. Дама суетилась под руками:

— Там ноутбук, только аккуратно, умоляю!

— Конечно, — спокойно, почти лениво отозвался он. — Ноутбук сверху положим. А лучше возьмите его в салон. В багажнике его точно никто нежно любить не будет.

Дама охнула, закивала и полезла за молнией.

Надежда отметила его еще до того, как успела осознать этот факт.

Высокий. Разворот плеч — уверенный, без лишней массивности. Точные, скупые движения. Он не демонстрировал готовность помочь, он просто делал. Темные волосы, короткая стрижка, лицо уже не юношеское, но с той породистой резкостью, которая сохраняется десятилетиями. Спортивный — но не той назойливой спортивностью, которая кричит об абонементе в зал, а той, когда тело само, без усилий, держит каркас.

Он поднял глаза на Надежду.

— Ваш?

Голос оказался под стать внешности: низкий, ровный, лишенный дежурной любезности.

— Да. Но он не тяжелый.

— Это обычно говорят про самые неподъемные вещи.

— Тогда скажем так: он умеренно амбициозный.

Мужчина едва заметно дернул углом губ. Почти улыбка.

— Умеренно амбициозный — это по нашей части. Давайте.

Он перехватил чемодан за боковую ручку, легко вскинул его и задвинул вглубь отсека.

Надежда машинально скользнула взглядом по его кисти.

Кольца не было.

Она тут же заставила себя смотреть в сторону.

Господи, ну что за позорище. Не хватало еще стоять у автобуса и изучать чужие пальцы, как заправский криминалист.

— Спасибо, — сказала она, поправляя сумку.

— Пожалуйста.

Он уже собирался отойти, но сзади его окликнули:

— Дмитрий Сергеевич, а эту сумку тоже вглубь?

Дмитрий Сергеевич.

Надежда моментально выудила имя из утреннего списка в почте.

Ковалёв Дмитрий Сергеевич. Руководитель филиала.

Так. Интересный.

Она отошла к основной группе, чувствуя на затылке холодный воздух, и тут же наткнулась на чей-то голос:

— Вот и начались риски. Чемодан уже в чужих руках, личный контроль безвозвратно утрачен.

Надежда обернулась.

Перед ней стоял мужчина лет сорока с небольшим. Крепкий, среднего роста, с подвижным лицом и глазами, в которых плескалась быстрая, немного колючая живость. Куртка расстегнута, шарф намотан с подчеркнутой небрежностью — мол, холод это для слабаков. Он улыбался слишком широко для первой минуты знакомства.

— Андрей Серов, — представился он, протягивая руку. — Административно-технический отдел. Тот самый человек, который виноват во всём, что ломается, течет и перегорает строго в пятницу вечером.

Надежда приняла рукопожатие. Сухое и уверенное.

— Надежда Королёва. Внутренний контроль.

— О, прекрасно! Значит, вы — тот карающий орган, который выясняет, почему у меня всё сломалось.

— Нет. Мы — тот орган, который следит, чтобы вы не смогли заявить, что этого никто не предвидел.

Андрей громко, раскатисто рассмеялся.

Смех у него был резкий, почти площадной. В нем не было настоящей веселости — скорее желание занять собой как можно больше пространства.

Несколько человек из толпы невольно обернулись.

— Опасная женщина, — выдохнул он. — Я это сразу считал.

— Это вы еще нашу отчетность не видели.

— Отчетность я читаю только после прибытия. До этого момента я отчаянно храню иллюзию свободы.

— Тогда берегите ее. На регистрации у вас ее изымут вместе с паспортом.

Андрей снова хохотнул.

Прямой, цепкий взгляд. Он не был неприятным, но в нем слишком явно сквозила заявка — словно этот мужчина уже наметил территорию и ждал, когда его пригласят зайти.

Надежда ответила ему вежливой, чуть отстраненной улыбкой.

— Профессиональная деформация, Андрей Николаевич.

— У всех свои, — пожал он плечами. — Я вот вижу кривую плитку и сразу начинаю физически страдать.

— Должно быть, это очень мешает жить.

— Ужасно. Поэтому приходится... компенсировать.

Он произнес это с той многозначительной интонацией, где «компенсировать» могло означать что угодно: от коньяка до новых знакомств. Надежда не стала уточнять.

Координатор тем временем сорвал голос:

— Коллеги, посадка! Через пять минут! Кто не отметился — бегом к планшету!

— Ну вот, свобода кончилась, не успев начаться, — вздохнул Андрей.

— Вы драматизируете.

— Я репетирую. Перед пленарным блоком.

От автобуса раздался новый голос — густой, начальственный, с той природной командной хрипотцой, которую невозможно имитировать.

— Олег, я тебя прошу по-человечески: не звени!

К автобусу приближались двое.

Первому было за шестьдесят. Плотный, широколицый, с седыми бровями-щетками. Он нес кожаную папку, как офицер планшет. Рядом семенил мужчина помоложе — ровесник Андрея, но совершенно иной породы. Растрепанный, с открытым, чуть виноватым лицом и тяжелым пакетом из супермаркета. Пакет при каждом шаге издавал характерное, музыкальное стеклянное позвякивание.

— Станислав Игоревич, — с достоинством парировал младший, — это не я звеню. Это дорожная обстановка тревожит содержимое.

— Вот как раз содержимое и тревожит меня, — отрезал старший. — Мы на конференцию едем, а не на рыбалку.

— Именно поэтому я предусмотрел неформальное укрепление кадров.

— Ты предусмотрел себе строгий выговор.

Координатор отметил их в списке, покосившись на звенящий пакет.

— Багаж — вниз, ручную кладь — с собой.

— Это не ручная кладь, — бросил Станислав Игоревич, указывая на пакет Олега. — Это ручная проблема.

Олег добродушно осклабился:

— Пока проблема в ручном режиме, она под контролем.

Надежда невольно улыбнулась.

Эта пара была шумной, но в их перепалке чувствовалась старая, надежная связка. Андрей рядом хмыкнул:

— Смотрите, люди подготовились серьезнее нас.

Олег тут же развернулся к ним:

— Молодой человек, я всю жизнь готовлюсь серьезно. Просто окружающие слишком поздно понимают, к чему именно.

— Олег Викторович! — предупредил Станислав Игоревич.

— Всё, я лицо дисциплины.

— Ты лицо последствий.

Надежда рассмеялась. На этот раз по-настоящему.

И вдруг услышала рядом:

— Станислав Игоревич, я искренне надеюсь, что ваши «последствия» хотя бы до обеда удержатся в рамках приличия.

Голос был мягкий, но такой, каким не просят, а констатируют.

К автобусу подошла Вера Павловна.

Надежда узнала ее мгновенно. Ей было около пятидесяти пяти. Аккуратный каштановый боб, лицо усталое, но очень живое. Пальто из хорошей шерсти, сумка на плече, на запястье — строгие часы. В ней не было желания нравиться, была привычка руководить. И та тихая, глубокая усталость, которую не спрятать под самым дорогим тоном.

Станислав Игоревич почтительно примолк:

— Вера Павловна, всё будет в лучших традициях выездных сессий.

— Вот этого я и опасаюсь. Олег Викторович, на вас смотрю отдельно.

— Вера Павловна, я сегодня — оплот порядка!

— Вы сегодня — оплот разлива. Идите уже в салон.

Она повернулась к Надежде.

— Надежда Викторовна Королёва?

Надежда внутренне вытянулась в струну.

— Да. Доброе утро.

— Рада, что вы доехали. Ваши материалы по проверочным листам я видела. Очень толково.

Признание отозвалось неожиданным теплом. Это было не мужское восхищение, а что-то более прочное.

— Спасибо, Вера Павловна.

— Будет возможность — на секции завтра подключайтесь к обсуждению. Нам нужны те, кто работает «на земле», а не только теоретики. И отдохните тоже, — добавила она тише. — Это не запрещено, просто не вынесено в повестку.

Вера Павловна окинула ее быстрым, понимающим взглядом. Слишком точным, чтобы его не заметить.

— Коллеги, по местам! Доедем все — при условии дисциплины и милости водителя.

Люди потянулись в салон. Надежда чуть помедлила, пропуская вперед шумных дам. Она не любила толкаться у дверей — суета всегда выдавала внутреннюю панику.

Андрей снова возник рядом:

— Вы где падаете?

— Еще не решила.

— Рекомендую середину. Впереди слушают организационный нудеж, сзади — к МКАДу начнется народное творчество.

— А вы?

— Я — человек переходной зоны. Между порядком и хаосом.

— Удобно. Всегда можно сказать, что вас не так поняли.

Он снова захохотал.

Надежда улыбнулась, но про себя отметила: в этом смехе слишком много напора. Словно он постоянно проверяет — все ли заметили, что он здесь.

У входа Дмитрий Сергеевич придержал дверь, пропуская женщин.

— Прошу, — сказал он Надежде.

Их взгляды встретились.

Всего на долю секунды.

Спокойно. Внимательно. Без капли давления.

Надежда вошла в салон.

Внутри пахло пластиком, влажной шерстью и кофе. Она выбрала место в середине, у окна. Сняла пальто, сложила на колени.

Через проход, на ряд впереди, сел Дмитрий. Сел спокойно, не заявляя о себе, просто глядя в окно.

Она снова заметила отсутствие кольца.

Надежда отвернулась к стеклу.

Невероятно, сколько информации может нести отсутствие маленького золотого обруча.

— Не занято? — возник над ухом Андрей.

Надежда подняла глаза.

— Пока нет.

Он уже начал опускаться на сиденье, но в этот момент в салон вскочил координатор:

— Андрей Николаевич! Вас Вера Павловна просит пересесть вперед. По техническим вопросам базы.

Андрей замер. Улыбка на секунду стала колючей.

— Техника не отпускает даже в пути.

— У вас такая судьба, — заметила Надежда.

— Судьба могла бы быть и поприятнее. Но я еще вернусь.

Он сказал это шутливо, но с явным прицелом. Надежда ответила легким кивком, а на соседнее место уже усаживалась усталая женщина с термкружкой.

— Можно? — спросила она.

— Конечно.

— Я Людмила. Методический отдел. Если я усну до МКАДа, не пугайтесь. Это не реакция на вас, это реакция на жизнь.

Надежда улыбнулась.

— Надежда. Внутренний контроль. Если я начну отвечать на письма, не обижайтесь. Это тоже не реакция на вас.

— Значит, договорились.

Сзади раздалось:

— Олег, пакет на полку не клади! Если он оттуда шмякнется, конференция начнется с реанимации!

— Станислав Игоревич, вы недооцениваете прочность наших кадров...

Автобус вздрогнул, натужно выдохнул и медленно отвалил от тротуара. За окном поплыла мокрая Новослободская. Москва потекла назад.

Надежда прислонилась плечом к спинке сиденья и посмотрела вперед.

Дмитрий сидел через проход, не оборачиваясь. Андрей впереди уже что-то яростно доказывал координатору. Вера Павловна сверяла списки. Станислав Игоревич с Олегом шумно устраивались в задней части салона, будто заселялись не в автобус, а в отдельную жизнь.

Выезд начался.

Первые десять минут автобус ехал так, будто все внутри еще отчаянно пытались сохранить достоинство.

Люди сидели ровно, крепко держали сумки на коленях и делали вид, что внимательно изучают унылые московские виды за окном. Хотя на самом деле все судорожно проверяли телефоны: рабочие чаты, почту, прогноз погоды и сообщения от тех, кому дома уже было поручено «только самое необходимое». Кто-то вполголоса звонил в офис, прикрывая рот ладонью. Кто-то уточнял у коллег, куда положили сводный файл. Кто-то в пятый раз перелистывал распечатку программы, будто между сухими строками могло внезапно появиться обещание, что пленарный блок отменен в пользу здорового сна.

Вера Павловна сидела впереди, на командирском месте у прохода, держа на коленях тяжелую папку и телефон. Время от времени она что-то уточняла у координатора, а затем бросала взгляд в салон поверх очков — не строго, а привычно. Так смотрят люди, которые

много лет отвечают за взрослых и давно усвоили: взрослые расслабляются куда изобретательнее детей.

Надежда устроилась у окна. Соседка Людмила из методического отдела действительно почти сразу закрыла глаза, прижав к груди термокружку, как спасительный походный талисман.

— Если я вдруг захраплю, толкните, — пробормотала она, не открывая глаз.

— Обязательно, — негромко ответила Надежда.

— Но только не сильно. Я могу испугаться спросонья и начать участвовать в обсуждении методики.

— Тогда лучше пусть всё идет естественным путем.

Людмила слабо улыбнулась и через минуту уже задремала.

Автобус встроился в плотный московский поток. За стеклом потянулись мокрые фасады зданий, остановки, ссутулившиеся люди под зонтами, курьеры на велосипедах, яркие витрины кофеен и серые окна офисов, за которыми чужая жизнь продолжала идти по строгому расписанию.

Надежда смотрела на город и чувствовала странное раздвоение. Вроде бы она всё еще была здесь, в дождливой пятничной Москве, застегнутая в деловую одежду, с телефоном на коленях и неотвеченным рабочим письмом. Но автобус уже медленно, неотвратимо вытаскивал всех из обычной жизни, как длинную нитку из слишком туго зашитого шва.

Через проход, на ряд впереди, Дмитрий сидел у окна. Профиль спокойный, разворот плеч расслаблен, телефон убран в карман. Он не пытался немедленно знакомиться со всеми вокруг, не комментировал громко дорожную обстановку, не демонстрировал свою невероятную занятость. Просто смотрел в окно.

И от этого почему-то казался еще заметнее.

Надежда поймала себя на том, что изучает его затылок на секунду дольше положенного, и резко перевела взгляд на телефон.

Рабочий чат замигал новыми сообщениями. Она открыла, быстро просмотрела по диагонали — ничего смертельного — и смахнула. Родительский чат уже вовсю обсуждал, можно ли сделать поделку не просто ко Дню Победы, а «в более общей патриотической концепции». Надежда живо представила себе эту дискуссию на сорок три сообщения и тоже закрыла приложение.

Пусть этот мир немного побудет без нее.

Впереди Андрей что-то оживленно втолковывал координатору. Сначала — явно про технические вопросы базы: зал, микрофоны, проектор, рассадку. Затем его рука начала двигаться шире, голос зазвучал свободнее, и тема, судя по интонации, стала выходить за рамки регламента.

— Если у них там опять лежат удлинители старше меня, — донеслось до Надежды, — я сразу снимаю с себя всякую ответственность за судьбу цифровизации отрасли.

Координатор устало, заученно ответил:

— Андрей Николаевич, база подтверждала, что оборудование исправно.

— Оборудование всегда исправно ровно до первого включения.

Вера Павловна, не поворачивая головы, заметила:

— Андрей Николаевич, не пугайте координатора раньше времени. Он еще пригодится нам живым.

— Вера Павловна, я его закаляю в боевых условиях.

— Не надо. У него лицо и так уже словно после жесткой термообработки.

По салону прошел первый легкий смешок. Координатор тоже улыбнулся — с облегчением человека, которого публично пожалели, но не унизили.

Надежда отметила про себя: Вера Павловна умела держать людей не грубым давлением, а хирургически точной интонацией. Не душила инициативу, но границу проводила моментально. И, что важнее всего, не делала вид, будто все они собрались здесь исключительно ради глубокого погружения в методические материалы.

Где-то сзади шурхнул пакет.

Затем предательски звякнуло стекло.

Станислав Игоревич тут же подал голос:

— Олег.

— Что?

— Ты можешь хотя бы первые двадцать минут пути прожить без музыкального сопровождения?

— Станислав Игоревич, я просто пакет поправляю.

— Ты его уже пять минут поправляешь.

— У него сложная, многоуровневая внутренняя архитектура.

— У него внутри бутылки.

— Не бутылки, а элементы неформального взаимодействия и укрепления связей.

Несколько человек откровенно обернулись. Людмила приоткрыла один глаз.

— Уже? — спросила она у Надежды шепотом.

— Похоже, да.

— Сильная у нас группа.

Сзади снова зазвенело, теперь уже открыто и нагло. Олег, видимо, окончательно смирился с тем, что тайная спецоперация провалилась. Надежда чуть повернула голову. В просвет между спинками кресел было видно, как он, кряхтя, достает из пакета стопку пластиковых стаканчиков и пузатую бутылку с темной жидкостью. Этикетку он предусмотрительно прикрыл широкой ладонью, что делало происходящее еще менее убедительным.

Станислав Игоревич сидел рядом, сурово нахмутив густые брови, но в самой его позе не читалось настоящего возмущения. Скорее — безмерная усталая готовность сопровождать неизбежное.

— Олег, я тебя официально предупреждаю: если ты сейчас начнешь ходить по салону с этим своим самоваром, я тебя лично сдам Вере Павловне как вещественное доказательство.

— Станислав Игоревич, ну нельзя же быть таким сухим формалистом. Люди едут вместе, людям надо познакомиться, притереться.

— Люди могут познакомиться с помощью слов. Через рот.

— Слова без правильного жидкого сопровождения плохо усваиваются организмом.

Олег поднялся, слегка пригнувшись под низким потолком туристического автобуса, и с широкой улыбкой обернулся к ближайшим рядам.

— Коллеги, прошу не пугаться. Всё строго символически. За тесное знакомство.

— Олег, — прорычал Станислав Игоревич, закрывая лицо рукой, — слово «тесное» при незнакомых женщинах употребляй аккуратнее. У нас мероприятие профессиональное.

— Так я исключительно про межведомственное взаимодействие!

Автобус засмеялся уже открыто и в голос.

Вера Павловна повернулась через плечо. Лицо у нее оставалось строго-протокольным, но в глазах плясали смешинки.

— Коллеги, мы еще даже за МКАД не выехали.

Олег почтительно, почти по-японски наклонил голову:

— Вера Павловна, именно поэтому дозировка сугубо профилактическая.

— Профилактика чего, стесняюсь спросить?

— Социальной скованности и стресса.

Станислав Игоревич с готовностью добавил:

— И здравого смысла.

— Станислав Игоревич, ну не мешайте вы процессу командообразования!

— Я двадцать лет наблюдаю твое командообразование. Оно всегда начинается с пластика и бодрости, а заканчивается изжогой и стыдом.

Вера Павловна властно подняла ладонь, призывая к тишине.

— Так. Слушаем сюда. Никакого хождения по салону во время движения. Никакого навязывания. Кто не хочет — того не трогаем. Кто хочет — твердо помнит, что у нас сегодня еще официальное открытие и совместный ужин, а не реабилитационный центр. Понятно?

— Предельно понятно! — хором отозвались сзади, причем бас Олега перекрыл всех.

— И, Олег Викторович.

— Да, Вера Павловна?

— Если вы к пленарному блоку потеряете способность различать внутренний контроль и внешний вид, я посажу вас в президиуме. Рядом с собой.

— Это неоправданно жестоко.

— Это классическое управление рисками.

Салон снова покатился со смеху.

Надежда физически почувствовала, как воздух в автобусе меняется. Люди чуть свободнее откинулись на спинки кресел. Кто-то убрал телефон в карман. Кто-то начал улыбаться уже не из вежливой необходимости, а по-настоящему. Усталость тяжелого пятничного утра никуда не делась, но поверх нее уже легла тонкая, хорошо знакомая пленка выезда: еще не отпуск, но уже точно не офис.

Олег начал деликатно раздавать пластиковые стаканчики ближайшим соседям. Не навязчиво, а скорее церемонно.

— Дамы, исключительно по желанию. Строго символически, по медицинским показаниям и для расширения профессиональных связей.

Одна из женщин с заднего ряда — та самая Светлана, что переживала насчет душа, — тут же оживилась:

— Мне капельку. Только совсем капельку, на доньшко.

— Капелька — это моя любимая единица измерения, — торжественно заверил Олег.

Станислав Игоревич проворчал:

— У тебя «капелька» всегда аккурат с половину граненого стакана.

— Это напрямую зависит от широты души.

— У тебя это напрямую зависит от угла наклона бутылки.

Пожилые дамы залиvisto рассмеялись. Светлана взяла стаканчик двумя пальцами с маникюром, осторожно понюхала и резюмировала:

— Ой, а ничего.

— «Ничего» — это у нас знак высшего качества, — гордо сообщил Олег.

Постепенно прозрачные стаканчики начали путешествие по салону. Кто-то решительно отказывался, кто-то брал «только пригубить», кто-то просил плеснуть в кофе и «потом посмотреть, как пойдет». Вера Павловна демонстративно отвернулась к лобовому стеклу, но Надежда заметила, как дрогнул уголок ее губ.

Олег добрался до их ряда.

— Дамы, за знакомство? Символически. Без внесения в протокол.

Людмила открыла глаза, с тоской посмотрела на стаканчики, на бутылку, на Надежду и вздохнула:

— Я бы с удовольствием, Олег, но я на таблетках. Давление.

— Давление — главный враг коллектива, — искренне посочувствовал Олег. — Вам тогда нальем морально.

— Морально я согласна.

Он развернулся к Надежде:

— Надежда Викторовна, а вы?

— Спасибо. Я пока на сухом внутреннем контроле.

— Сильный человек, — уважительно протянул Олег. — Опасный.

Станислав Игоревич, сидевший позади, перегнулся через кресло в проход:

— Олег, не приставай к человеку. Видишь, человек красивый и трезвый, значит, у него есть четкий план.

Это прозвучало грубовато, но абсолютно без липкой пошлости. Даже с каким-то старорежимным мужским уважением.

Надежда легко улыбнулась.

— План пока в стадии разработки.

— Тогда не мешаю процессу, — кивнул Олег и, понизив голос, добавил: — Но, если план внезапно потребует корректировки, мы в хвосте. У нас там ситуационный центр.

— У вас там склад ГСМ, — припечатал Станислав Игоревич.

— Горючее — основа любого движения!

Олег двинулся дальше по проходу.

И тут Дмитрий, всё это время молча сидевший впереди, чуть повернул голову и негромко произнес:

— Красивая, трезвая и с планом — редкое сочетание для пятницы.

Надежда посмотрела на него.

Улыбка у него была почти незаметной. Сдержанной. Из тех, что не разбрасывают на весь автобус, а дарят адресно.

— Особенно в системе внутреннего контроля, — в тон ему ответила она.

— У вас там с этим настолько строго?

— У нас строго с теми, кто наивно считает, что его никто не заметит.

— Значит, вы страшные люди.

— Скорее, просто наблюдательные.

— Поверьте, это гораздо хуже.

Она улыбнулась.

Разговор был коротким, легким, почти ничего не значащим. Но в нем было приятно именно это «почти». Дмитрий не пытался сходу продавить контакт, не наваливался словами, не делал комплимент плоским и явным. Он просто поймал брошенную реплику и вернул ее чуть точнее, чем ожидалось.

Где-то сзади Олег тем временем торжественно провозгласил:

— Коллеги, за тесное знакомство! И чтобы по итогам мероприятия мы помнили не только скучные регламенты, но и живые лица друг друга!

— Олег, — устало сказал Станислав Игоревич, — главное, чтобы ты к утру помнил хотя бы номер своего корпуса.

— Станислав Игоревич, для таких мелочей у меня есть вы.

— Я тебе не навигатор.

— Вы гораздо лучше навигатора. Вы очень душевно ругаетесь, если я не туда иду.

Салон снова взорвался смехом.

Андрей, сидевший впереди, услышал короткий обмен Нади с Дмитрием и тут же обернулся. Его лицо светилось весельем, но глаза прищурились чуть внимательнее и жестче.

— А я вот считаю, — громко, на полсалона заявил он, включаясь в разговор через два ряда, — что абсолютная трезвость на выездных мероприятиях сильно переоценена.

— Это официальная позиция вашего административно-технического отдела? — с улыбкой спросила Надежда.

— Это моя личная, выстраданная жизненная философия.

— Тогда ее лучше не прикладывать к официальному протоколу.

— Зря. Поверьте, протокол от этого стал бы только честнее.

Дмитрий посмотрел на него совершенно спокойно.

— Главное — не перепутать честность с громкостью.

Сказано это было тихо. Без малейшего вызова. Даже мягко.

Но Андрей услышал всё.

Его улыбка на долю секунды застыла, стала шире и острее.

— Громкость, Дмитрий Сергеевич, иногда очень помогает донести мысль до тех, кто слишком далеко сидит.

— Иногда — да. А иногда она просто мешает услышать всех остальных.

Воздух в радиусе трех кресел на мгновение стал плотнее.

Не настолько, чтобы кто-то из смеющихся сзади всерьез обратил на это внимание. Но Надежда почувствовала это кожей. Как чувствуют легкий, неприятный перепад давления перед летней грозой.

Она быстро, с легкой светской полуулыбкой вмешалась:

— Коллеги, предлагаю пока не устраивать глубокий методологический спор о громкости до официального открытия. У нас еще впереди целая конференция.

Андрей тут же развернулся к ней.

— Вот! Сразу видно профессионала: человек умеет на лету управлять конфликтами.

Дмитрий чуть заметно кивнул.

— Или создавать филигранную видимость управления.

— А вот это уже высший уровень пилотажа, — парировала Надежда.

На этот раз улыбнулись оба мужчины. Но совершенно по-разному.

Дмитрий — тихо, одними глазами.

Андрей — широко, с зубами, почти демонстративно.

Надежда отвернулась к окну, но внутренний сканер уже четко зафиксировал разницу.

Один никуда не торопился, не пытался силой занять пространство, но каким-то непостижимым образом оно само освобождалось вокруг него. Другой, напротив, входил в контакт громко, уверенно, с шутками, расталкивая локтями воздух, с явным желанием немедленно и ярко обозначить себя.

Один был кислородом.

Другой — давлением.

Пока это давление не казалось неприятным. Скорее бодрящим. Остро-живым. Даже забавным.

Но она уже знала цену вещам, которые на первый взгляд кажутся просто живыми.

Автобус тем временем выбрался на более широкую трассу. Москва за окнами начала стремительно редеть: стеклянные офисные здания сменялись запутанными развязками, бетонными заборами, сверкающими автосалонами, серыми коробками складов и мокрыми рекламными щитами. Водитель прибавил ход. Салон мягко, убаюкивающе покачивало, и это ритмичное покачивание окончательно сняло с людей последние остатки офисной вертикали.

Кто-то уже достал шуршащие фольгой бутерброды. Где-то вскрыли сетку с мандаринами. По салону поплыл резкий цитрусовый запах, причудливо смешавшись с ароматом кофе, влажной шерсти и острой алкогольной нотой, уверенно тянущейся из задних рядов.

Людмила снова приоткрыла глаза.

— Мы еще в Москве?

— Почти выехали.

— Отлично. Я всегда говорю: как только физически выезжаешь за МКАД, организм начинает подозревать, что у него, возможно, есть душа.

— И что он с этим открытием делает?

— Обычно тут же требует спать и много есть.

— Очень честная душа.

Людмила удовлетворенно кивнула, отпила из термокружки и снова отключилась.

Надежда скользнула взглядом по салону. Теперь она делала это почти профессионально, как на любимой работе, только объект аудита был живой и куда интереснее любых бумажных актов.

Женщины в передних рядах держались плотной группой: аккуратные, глубоко уставшие, с папками и цветными шарфами. Они уже успели вполголоса обсудить качество номеров, меню питания и вероятность того, что вечером «будет что-то приличное, а не как в прошлом году».

Две молодые специалистки откровенно позировали и фотографировали друг друга на фоне салона, тщательно следя за тем, чтобы в кадр не попала полупустая бутылка Олега, а только их свежие салонные укладки и бодрая подпись «поехали работать!».

Координатор то садился, то снова нервно вскакивал, в десятый раз проверяя список, хотя все уже давно были на местах и автобус ехал по трассе.

Мужчины распределились иначе.

Кто-то сразу наглухо ушел в телефон и надел лицо человека, который даже за городом, в выходные, остается абсолютно незаменимым винтиком корпорации. Кто-то откинул кресло и закрыл глаза, честно сдаваясь накопившейся за неделю усталости.

Станислав Игоревич с Олегом уже окончательно стали задним, неформальным центром гравитации: вокруг них концентрировался смех, уютное шуршание пакетов, осторожное, кокетливое оживление пожилых дам и те первые, слабые признаки общности, которая в России обычно возникает вокруг нелегально разлитого алкоголя.

Дмитрий оставался отдельной точкой. Спокойной. Автономной.

Андрей — подчеркнуто подвижной.

Он снова что-то громко сказал координатору, раскатисто рассмеялся своим резким смехом, а затем обернулся назад, будто сканируя: слышит ли его салон? Услышал ли Дмитрий? Обратила ли внимание Надежда?

Она услышала.

И это тоже аккуратно подшила к внутреннему делу.

Вера Павловна вдруг поднялась со своего места и развернулась лицом к салону. Автобус как раз выскочил на ровный, свежезаасфальтированный участок дороги.

— Коллеги! Пока все окончательно не ушли в личную жизнь и дегустацию, два коротких организационных момента.

Салон послушно, постепенно затих.

Олег, уже занесший руку со стаканчиком для очередного тоста, дисциплинированно опустил ее на колено.

— Заселение сразу после прибытия, через стойку регистрации, ключи будут выдаваться строго по спискам. Обед в тринадцать тридцать. Официальное открытие — в пятнадцать ноль-ноль в большом конференц-зале. Очень прошу не опаздывать. Особенно это касается тех, кто уже начал форсированно укреплять межведомственные связи.

Олег театрально приложил руку к сердцу:

— Вера Павловна, мы вас ни за что не подведем.

— Олег Викторович, вы меня подводите регулярно, но делаете это с такой искренней преданностью, что я каждый раз теряю бдительность.

По салону прокатился смех.

— Второе, — уже серьезнее продолжила она. — Вечером у нас ужин и свободная программа. Подчеркиваю: слово «свободная» не означает «бесконтрольная и дикая». Это я говорю на всякий случай. Мы все взрослые люди, у всех позади очень тяжелая неделя, у всех были

свои личные причины сюда приехать. Давайте просто сделаем так, чтобы к утру воскресенья эти причины не стали предметом служебной проверки.

— Золотые, пророческие слова, — пробормотала Людмила рядом с Надеждой.

Вера Павловна чуть смягчилась, оглядывая лица.

— А вообще... рада всех вас видеть. Правда. Иногда такие массовые выезды нужны не только ради скучных методик. Иногда полезно просто вспомнить, что мы — не только должности в электронных письмах.

Она села.

В салоне после ее слов на несколько долгих секунд стало тише. Не торжественно. Просто чуть внимательнее и теплее.

Надежда почувствовала, что эта последняя фраза зацепила ее.

Не только должности в письмах.

Не только дерганая мать в бесконечном родительском чате.

Не только забытая бывшая жена в чужом, безжалостном «у нас».

Не только женщина, которая всю жизнь отчаянно старается.

Она хотела еще немного побыть с этой мыслью, повертеть ее в голове, но сзади, как гром среди ясного неба, снова прозвучал поставленный голос Олега:

— Вот именно! Золотые слова! За то, что мы не только должности!

— Олег, стакан поставь, — безмерно устало попросил Станислав Игоревич. — Ты сейчас такую хорошую мысль испортишь.

— Я ее не испорчу, я ее закреплю в коллективе!

— Ты всё закрепляешь одним и тем же способом.

— Зато проверенным и ГОСТИрованным!

Автобус снова взорвался смехом, и тяжелая, задумчивая секунда растворилась в воздухе.

Надежда поймала взгляд Дмитрия. Он тоже улыбался — не реплике Олега даже, а самой этой неповторимой смеси официальности, усталости и живого человеческого абсурда.

Автобус мягко выкатился на развязку МКАДа. Салон ощутимо качнуло на затяжном повороте. Олег где-то в хвосте торжественно провозгласил:

— Вот теперь, многоуважаемые коллеги, официально считаю: мы в пути!

— Мы уже двадцать минут как в пути, Олег, — резонно возразила Светлана.

— Нет, Светочка. До МКАДа это была лишь прелюдия.

— Олег! — рявкнул Станислав Игоревич.

— Что «Олег»?! Я исключительно в транспортном, логистическом смысле!

Вера Павловна впереди даже не шелохнулась. Только молча подняла руку над спинкой кресла и показала назад два пальца — универсальным жестом человека, который одновременно и строго предупреждает, и великодушно прощает.

Надежда рассмеялась вместе со всем автобусом.

И впервые за это долгое, тяжелое утро смех не показался ей вымученным усилием. Он просто случился сам собой.

Москва за толстым стеклом становилась всё более разреженной, серой и мокрой. Дорога упрямо тянулась вперед, к дому отдыха, к загадочному шестому корпусу, к вечерней программе и к людям, которые прямо на глазах начали понемногу становиться не теми, кем сухо-вато числились в утреннем списке участников.

Надежда расслабленно откинулась на спинку сиденья.

Выезд оживал.

После взрыва общего смеха в автобусе на какое-то время установилось то особое дорожное равновесие, когда люди уже перестали быть совершенно чужими, но еще не успели друг другу надоесть.

Салон мягко, убаюкивающе покачивало. За окнами тянулись мокрые шумозащитные экраны, редкие придорожные кафе, серые коробки складов, заправки и рекламные щиты элитных поселков, где счастливые семьи в белоснежных свитерах фальшиво улыбаются на фоне нарисованного леса. Москва постепенно отступала, оставляя позади пробки, стекло, бетон и это ввевшееся под кожу ощущение, что ты постоянно кому-то что-то должен.

Людмила рядом с Надеждой глубоко дремала, просыпаясь ровно настолько, чтобы сделать слепой глоток из термокружки и снова провалиться в безопасное дорожное небытие. На коленях у нее всё еще лежала раскрытая программа, но сухие строчки регламента давно утратили всякое значение.

Надежда бросила взгляд на экран телефона. Рабочий чат молчал уже целых семь минут. По нынешним меркам это тянуло на маленькое корпоративное чудо.

Она заблокировала экран и убрала телефон в сумку.

Ненадолго.

Пусть помолчит.

Впереди Вера Павловна что-то негромко сказала координатору, затем поднялась и медленно пошла по проходу вглубь салона, привычно придерживаясь за спинки кресел. Шла она не как надзиратель, которому нужно срочно поймать кого-то за руку, а как опытная хозяйка, решившая убедиться, что дом не горит, а если и горит, то строго по плану и управляемо.

Олег мгновенно вытянулся на своем месте, профессионально пряча пластиковый стаканчик за пакет.

— Олег Викторович, — бросила Вера Павловна, даже не глядя в его сторону, — я всё вижу.

— Вера Павловна, у вас пугающая профессиональная деформация.

— У меня многолетняя практика выживания в экстремальных условиях.

Станислав Игоревич довольно хмыкнул:

— Вот. Я ему слово в слово то же самое говорю.

— Станислав Игоревич, вы говорите это значительно громче и с гораздо меньшей надеждой на исправление.

— Потому что я давно и хорошо знаю природу человека.

— Это отягчающее обстоятельство, — резюмировала Вера Павловна и прошла дальше.

Олег посмотрел ей вслед с искренним, почти сыновним уважением.

— Умная женщина. Страшная.

— Для тебя все умные женщины страшные, — философски заметил Станислав Игоревич.

— Нет, некоторые прекрасные.

— Они просто еще не успели тебя как следует узнать.

Вера Павловна остановилась у ряда Надежды.

Людмила спинным мозгом почувствовала движение рядом и тут же открыла глаза с винноватым видом школьницы, которую внезапно вызвали к доске.

— Я не сплю, — быстро сказала она.

— Людмила Сергеевна, я ни секунды не сомневалась, — ответила Вера Павловна. — Вы просто работаете в режиме энергосбережения.

— Абсолютно верно. Наш методический отдел держится исключительно на строгой экономии внутреннего ресурса.

— Тогда продолжайте процесс.

Людмила с облегчением прикрыла глаза.

Вера Павловна положила руку на спинку сиденья перед Надеждой.

— Надежда Викторовна, как дорога?

— Пока без существенных отклонений от утвержденного маршрута.

— Хороший, правильный ответ специалиста по контролю.

— Стараюсь, — автоматически слетело с губ Надежды.

Слово вырвалось раньше мысли.

И тут же остро кольнуло под ребрами.

«Ты всегда стараешься».

Голос Ильи прозвучал в голове неожиданно ясно. Словно мальчик сидел не дома, не в своей мятой черной футболке среди разбросанных школьных тетрадей, а где-то совсем рядом — буквально в соседнем ряду автобуса.

Надежда невольно дрогнула и отвела взгляд к заляпанному окну.

Вера Павловна заметила это движение. Не могла не заметить.

Но лезть с вопросами не стала.

Она просто чуть наклонилась ближе и произнесла тише:

— Главное — не перестараться.

Надежда медленно повернулась к ней.

— В профессиональном смысле?

— В любом, — спокойно ответила Вера Павловна. — На выездах это тоже риск. Люди приезжают сюда вроде бы с папками, материалами, нарядными презентациями. А на самом деле каждый молча тащит с собой полный чемодан того, что никак не входит в командировочное задание.

Надежда попыталась аккуратно улыбнуться.

— Это тоже нужно включать в официальную программу?

— Официально — нет. Фактически — оно и так всегда в нее включено. Базовой опцией.

Вера Павловна посмотрела вперед, туда, где Андрей с нажимом что-то доказывал координатору, тыча пальцем в экран телефона, Дмитрий молча изучал проносящийся мимо пейзаж, а за их спинами автобус продолжал жить своим отдельным, уже слегка расшатанным организмом.

— Я такие массовые выезды двадцать лет собираю, — негромко продолжила она. — Сначала все приезжают с очень серьезными лицами. «Обмен передовым опытом», «повышение эффективности», «межведомственное взаимодействие». А к вечеру, после пары бокалов, выясняется, что у каждого за плечами — своя тяжелая война. У кого дети, у кого рухнувший брак, у кого неподъемные кредиты, у кого начальство пьет кровь, у кого — воющее одиночество, а у кого просто возраст внезапно подошел слишком близко и страшно.

Она произнесла это без капли пафоса. Почти буднично. И именно поэтому фраза ударила в самое яблочко.

Надежде неожиданно захотелось отвернуться. Не от самой Веры Павловны — от этой безжалостной рентгеновской точности.

— И ради этого корпорации проводят конференции? — спросила она, изо всех сил стараясь удержать легкий светский тон.

— Ради этого измотанные люди на них ездят, — поправила Вера Павловна. — А корпорации их проводят, конечно же, ради отчетности.

Надежда не выдержала и искренне рассмеялась.

Вера Павловна тоже улыбнулась — коротко, тепло и очень устало.

Затем она достала из глубокого кармана пальто маленькую плоскую упаковку таблеток. Одну привычным жестом выдавила на ладонь и запила водой из небольшой бутылочки.

— Вам нехорошо? — нахмурилась Надежда.

— Мне пятьдесят пять, Надежда Викторовна. Это не «нехорошо». Это нормальный режим эксплуатации оборудования.

— Снова давление?

— Оно самое. Вчера внучка глубокомысленно заявила, что я «старая, но очень надежная». Вот теперь еду и думаю, как это правильно и красиво оформить в резюме.

— По-моему, прекрасная характеристика для топ-менеджера.

— Вот именно. Главное, что не «красивая, но совершенно ненадежная». Хотя лет тридцать назад я бы, возможно, не задумываясь предпочла второй вариант.

Она произнесла это легко, но Надежда безошибочно уловила в интонации что-то не совсем шуточное.

Вера Павловна проследила за ее взглядом и чуть усмехнулась:

— Не смотрите на меня так. Я не собираюсь сейчас читать вам занудную лекцию о том, что внешность не важна, а богатый внутренний мир решает всё. Важна. Еще как важна. Просто с возрастом становится смешно и горько от того, сколько жизненных сил мы тратим, чтобы получить от чужих людей подтверждение тому, что сами о себе и так давно должны бы знать.

Надежда сдержанно кивнула.

— «Должны бы» — очень хорошая, спасительная формулировка.

— Да. Максимально удобная. Ею прекрасно прикрывается любая внутренняя невозможность.

На долю секунды между ними повисло странное, густое понимание. Не женская близость — нет, для настоящей близости они были слишком мало знакомы. Скорее — минутное узнавание двух женщин, которые всю жизнь пробивались через разные обстоятельства, но одинаково хорошо знали истинную цену собранному, безупречному лицу.

Вера Павловна выпрямилась, одергивая пальто.

— Ладно. Не буду мешать вам смотреть в окно и делать вид, что вы никого здесь не изучаете.

Надежда невольно рассмеялась.

— Я так заметна?

— Только для тех, кто сам много лет занимался ровно тем же самым.

— Очередная профессиональная деформация?

— Женская, — отрезала Вера Павловна. — Профессиональная просто дала ей красивое официальное название.

Она уже собиралась идти дальше по проходу, но вдруг на секунду задержалась и, чуть понизив голос, добавила:

— Отдыхайте, Надежда Викторовна. Правда. Иногда это гораздо полезнее, чем в тысячный раз доказывать всем вокруг, что вы прекрасно справляетесь.

И пошла вперед.

Надежда молча смотрела ей вслед.

Фраза была брошена спокойно, почти вскользь. Но вошла слишком глубоко, по самую рукоять.

Еще раз доказать всем, что вы справляетесь.

Она резко отвернулась к стеклу. Дорога блестела свежей влагой. По обочине непрерывно тянулись темные, еще голые подмосковные деревья, и лишь на некоторых тонких ветках проступала едва заметная зеленая пыльца будущей листвы.

Отдыхайте.

Легко сказать.

Где-то сзади Олег снова попытался что-то торжественно провозгласить, но Станислав Игоревич на этот раз пресек его инициативу одним коротким, тяжелым:

— Сиди.

И, к искреннему удивлению Надежды, Олег послушно сел.

Впереди Андрей пересел поближе к середине салона, как только координатор перестал нуждаться в его технических комментариях. Он устроился через проход и чуть впереди Нади — стратегически верно: так, чтобы легко и естественно оборачиваться к ней.

— Ну что, Надежда Викторовна, — начал он, развернувшись в кресле вполоборота, — вы уже морально готовы к душному большому залу, отвратительному кофе и торжественному, заунывному слову организаторов?

— Я морально готова почти ко всему. Кроме, разве что, внезапной групповой работы сразу после обеда.

— О, групповая работа — это святое. Особенно тот восхитительный этап, когда десять взрослых людей с высшим образованием пять минут яростно спорят, кто из них будет писать маркером на флипчарте.

Дмитрий, сидевший рядом у окна, не оборачиваясь, вставил:

— Обычно пишет тот, кто меньше всех сопротивляется.

— Или женщина, — немедленно парировал Андрей. — Потому что женщины почему-то всегда гораздо эстетичнее оформляют чужой хаос.

Надежда вскинула брови.

— Вы сейчас почти сделали мне комплимент или почти изящно переложили на меня будущую работу?

— Я человек кристально честный. Могу делать два дела одновременно.

Дмитрий медленно повернул голову.

— Очень опасное признание.

— Это почему же?

— Честные люди обычно так часто и так громко об этом не сообщают.

Андрей хохотнул — раскатисто, с той самой мальчишеской, дворовой издевкой, которая на глазах становилась его фирменным звуковым знаком.

— Дмитрий Сергеевич, вы сегодня просто в блестящей форме.

— Я просто выспался.

— Искренне завидую. Я после развода нормально высыпаюсь только в тех местах, где нет соседей, гудящих лифтов и людей, которые постоянно хотят от меня срочного ремонта.

Фраза на секунду повисла в воздухе.

Свободен, машинально отметила про себя Надежда.

Сказано это было вроде бы между делом, в шутку, но слишком уж удобно. Как визитка, случайно забытая на чужом столе нужной стороной вверх.

— То есть подмосковный дом отдыха — ваш спасительный шанс? — спросила она.

— Безусловно. Я собираюсь использовать его потенциал на все сто процентов. Свежий воздух, нормальная еда, вечером — активная культурная программа, утром — тренажерный зал. Режим, Надежда Викторовна! Настоящего мужчину спасает только строгий режим.

Дмитрий едва заметно улыбнулся своему отражению в стекле.

— Особенно если накануне вечером была активная культурная программа.

— А утром зал, — упрямо подчеркнул Андрей. — Баланс. Организм должен четко понимать, что его любят, но не балуют.

— Звучит сурово, — усмехнулась Надежда.

— Жизнь вообще предельно суровая штука. Особенно по отношению к нормальным мужикам.

Он произнес это шутливо, но в тоне мелькнул холодный, жесткий металл. Даже не свежая обида — скорее, застарелая уверенность в собственной обиженности на мир.

Надежда мгновенно считала и это.

— А ненормальным, значит, легче живется? — спросила она.

Андрей снова рассмеялся.

— Ненормальным всегда легче. Они просто правил не знают.

Дмитрий посмотрел на него внимательнее.

— Или виртуозно делают вид, что не знают.

— Вот за это я вас, управленцев, и люблю! — Андрей шутливо ткнул в его сторону указательным пальцем. — Вы любую безобидную шутку можете на лету превратить в сухую служебную записку.

— Издержки профессии. Профессиональная травма.

— Ничего страшного. Вечером всё вылечим.

— Кого именно? — уточнил Дмитрий.

— Всех желающих!

Андрей улыбнулся. Широко, с зубами, почти вызывающе. Его взгляд на секунду отскочил к Надежде и плотно задержался на ее лице.

Надежда глаз не отвела, но и подыгрывать слишком явно не стала.

— У нас, кажется, медицинская часть реабилитации в программе не заявлена.

— Я могу провести неофициальную.

— Страшно даже представить, какие у вас методы.

— Исключительно эффективные.

— Это слово из уст технаря всегда настораживает, — невозмутимо заметил Дмитрий.

Андрей резко обернулся к нему:

— А вы, Дмитрий Сергеевич, как я погляжу, любите настораживаться заранее.

— Очень удобная привычка. Иногда экономит время.

Снова.

Это не был открытый конфликт. Не ссора. Даже не прямой укол — так, фехтование на тупых рапирах.

Но в воздухе автобуса уже отчетливо натянулась та самая тонкая, невидимая струна, которую оба мужчины прекрасно видели, хотя и продолжали делать вид, что просто ведут светскую дорожную беседу.

Надежда вдруг почувствовала, как где-то глубоко внутри медленно просыпается то опасное, полузабытое удовольствие, которое не имело ровным счетом никакого отношения ни к большой любви, ни даже к физическому желанию. Скорее — к самому факту: двое сильных мужчин сейчас пикируются не совсем друг с другом. Они делают это, потому что она сидит рядом.

Глупо.

Стыдно.

И до одури приятно.

Она прекрасно знала, что это ощущение не делает ее лучше или чище. Но и хуже, наверное, тоже не делает. Она просто слишком давно не была первопричиной чужой, искрящей мужской интонации.

Людмила неожиданно приоткрыла один глаз и жарко зашептала:

— Я пропустила что-то концептуально важное?

— Пока нет.

— Тогда разбудите меня, когда начнется настоящий роман с дракой.

Надежда чуть не рассмеялась в голос.

— С чего вы вообще взяли?

— Я опытный методист. Я структуру повествования кожей чувствую.

И Людмила снова невозмутимо закрыла глаза.

Андрей, к счастью, не слышавший этого театрального шепота, продолжил допрос:

— А вы, Надежда Викторовна, давно в сфере контроля?

— Достаточно давно, чтобы навсегда перестать верить фразе «у нас всё под контролем».

— О, моя самая любимая фраза. Ее обычно произносят ровно за пять минут до глобальной техногенной катастрофы.

— Или за пять минут до приезда проверяющей комиссии.

— В наших реалиях это часто одно и то же.

Дмитрий слегка развернулся в их сторону.

— А вы проверяете организации или конкретных людей?

— Организации, конечно.

— Искренне жаль.

— Почему же?

— Люди гораздо интереснее цифр.

Надежда прямо посмотрела в его серые глаза. Вопрос был задан без дешевого заигрывания, но что-то неуловимое в его тоне сдвинуло их разговор на миллиметр ближе к опасной личной границе.

— Люди гораздо хуже документируются, — сухо сказала она.

— Зато они честнее проявляются.

— Спорное утверждение.

— Только не в автобусе.

Он едва заметно, одними глазами, кивнул назад — туда, где Олег в очередной раз попытался «сугубо символически» наполнить чей-то стаканчик, а Станислав Игоревич с тяжелым вздохом контролировал масштаб локального бедствия.

Надежда улыбнулась.

— Согласна. В автобусе всё скрытое проявляется быстрее.

— Например? — мгновенно вклинился Андрей.

Слишком быстро. Слишком жадно.

Она перевела спокойный взгляд на него.

— Например, сразу видно, кто умеет отдыхать, а кто только изо всех сил делает вид.

— И вы уже успели распределить всех присутствующих по этим категориям?

— Разумеется. Но результаты выездной проверки разглашению не подлежат.

— И в какой же категории оказался я?

— Вы пока на этапе предварительного наблюдения.

Андрей картинно прижал обе руки к груди.

— Надежда Викторовна, вы бессердечно жестоки.

— Я всего лишь объективна.

— Поверьте, это звучит еще хуже.

Дмитрий негромко констатировал:

— Значит, мне крупно повезло, что я не стал спрашивать.

— Вы просто гораздо осторожнее, — парировала Надежда.

— Или менее любопытен.

— Нет, — сказала она и сама внутренне удивилась тому, как быстро и легко сорвался с губ ответ. — Любопытны вы как раз вполне.

Дмитрий посмотрел на нее.

Взгляд задержался на ее лице на долю секунды дольше, чем того требовали правила обычной светской беседы.

Андрей это заметил.

Это было ясно по тому, как он снова улыбнулся. Слишком широко. Слишком напряженно.

— Дмитрий Сергеевич, а вы сами-то из какого филиала будете? — спросил он, резким движением переводя разговор в безопасную профессиональную плоскость.

Дмитрий назвал организацию и район. Ответил спокойно, без малейшего желания подчеркнуть свой масштаб. Но масштаб всё равно прозвучал: крупный филиал, серьезная территория, большое здание, люди в подчинении, ответственность.

— Весьма неплохо, — уважительно протянул Андрей. — Значит, вы человек при власти.

— При обязанностях, — спокойно поправил Дмитрий.

— Обязанности без реальной власти — это уже тянет на подвиг.

— Или просто на тяжелую работу.

— Нет, батенька. Работа — это когда тебе за это платят. А подвиг — это когда за те же самые деньги ты еще и во всем виноват.

Надежда искренне улыбнулась.

— Андрей Николаевич, вы так об этом говорите, будто вас слишком часто назначают крайним.

Он по-мальчишески пожал плечами.

— Технических людей всегда и везде делают виноватыми. Свет в здании погас — виноваты мы. Трубу прорвало — мы. Сервер лег — мы. Входная дверь скрипит — тоже мы. И неважно, что люди сами дергают эту дверь с такой силой, будто пытаются открыть врата ада.

— Зато на вашем фоне все моментально понимают, насколько вы незаменимы, — заметила она.

— Во-о-от! — Андрей торжествующе ткнул пальцем в ее сторону. — Вы невероятно умная женщина. Сразу зрите в корень.

И опять этот указующий палец. Опять эта суетливая попытка за столбить ее как свою союзницу.

Дмитрий ничего не добавил.

И от этого его тяжелое, спокойное молчание оказалось заметнее любой реплики.

Надежда внезапно поймала себя на том, что ей отчаянно хочется услышать именно его ответ. Не Андрееву шумную благодарность, не его очередную байку, а сухую, выверенную, бьющую в цель фразу Дмитрия.

Странно.

Слишком рано для таких «странно».

Сзади вдруг раздался зычный голос Олега:

— Станислав Игоревич! А вот вы, как бесконечно опытный в аппаратных играх человек, скажите мне: если уважаемая дама наотрез отказывается выпить за знакомство, это расценивать как недоверие к коллективу или как высокую культуру быта?

— Это нужно расценивать как базовый инстинкт самосохранения, Олег.

— То есть, по-вашему, это уважительная причина?

— В твоём конкретном случае — единственно разумная.

Салон снова грохнул смехом, и повисшее между рядами напряжение на несколько секунд рассыпалось, как картонный домик.

Автобус съехал с широкой трассы на дорогу уже стопроцентно подмосковную: этажность домов резко снизилась, деревьев стало больше, потянулись глухие серые заборы, ржавые дачные указатели и мокрые, продрогшие лесополосы. Погода не улучшалась. Небо висело низко, давило на крышу, но в этом сером небе было что-то дикое, не городское. Влажное, просторное и почти живое.

Вера Павловна вернулась на свое законное место. Координатор, видимо, окончательно проиграв бой усталости, тоже тяжело опустился в кресло. Олег в хвосте на время затих, полностью поглощенный ответственным распределением «остатков жидкой профилактики» между самыми стойкими добровольцами. Салон снова ровно загудел десятками мелких, ничего не значащих разговоров.

Андрей повернулся к Надежде. Лицо его стало чуть мягче, интонация — тише.

— Вы танцуете?

Вопрос прозвучал неожиданно прямо.

Она чуть приподняла бровь.

— Это тоже часть вашего технического аудита?

— Нет. Это критически важная часть оценки вечерней программы.

— Танцую.

— Серьезно?

— А что именно вас так удивляет?

— Да нет, ничего. Просто есть женщины, которые двигаются на танцполе так, будто всю жизнь заполняли жесткие налоговые формы. А есть те, по которым сразу видно — бурное музыкальное прошлое.

— И к какой же из этих категорий вы успели отнести меня?

— Я пока нахожусь на этапе предварительного наблюдения, — с нескрываемым удовольствием вернул он ей ее же недавнюю фразу.

Надежда снисходительно улыбнулась.

— Очень аккуратно пользуетесь чужими формулировками.

— Жизнь заставила. Я быстро учусь.

Дмитрий, не отрывая взгляда от окна, неожиданно негромко произнес:

— Это крайне опасное заявление рядом с действующим специалистом по контролю.

— Почему это? — вскинулся Андрей.

— Потому что теперь она будет обязана проверить результат вашего обучения.

Андрей бросил на него быстрый, сканирующий взгляд.

— Без проблем. Проверим вечером.

Вот это уже прозвучало почти как открытое приглашение. Не совсем к Надежде и не совсем к Дмитрию. К обоим сразу — как брошенная на пол перчатка.

Надежда отвернулась к окну, чтобы скрыть дрогнувшие в улыбке губы.

Вечером.

Это короткое слово вдруг заиграло совершенно другими красками. Сделалось ярче.

Там, впереди, пока еще скрытый за мокрыми деревьями, за скучными корпусами базы, за официальным открытием и столовским обедом, уже физически существовал этот вечер. Темный зал. Музыка. Плотное платье. Тяжелый чужой взгляд.

И возможность.

— Посмотрим, — уклончиво сказала она стеклу.

— Это «да» или «нет»? — не отставал Андрей.

— Это называется «внутренний контроль ожиданий».

Дмитрий тихо, с пониманием усмехнулся.

Андрей рассмеялся куда громче, но на этот раз с явным мужским удовольствием.

— Хорошо. Принято. Записал в подкорку. Вечером нас ждет внутренний контроль ожиданий.

— Только, умоляю, не оформляйте это в протокол, — попросила она.

— Не беспокойтесь. Я всё самое важное держу исключительно в голове.

— Вот это как раз и пугает больше всего, — невозмутимо заметил Дмитрий.

Андрей снова крутнулся к нему:

— Дмитрий Сергеевич, вы меня сегодня прямо-таки системно недооцениваете.

— Наоборот. Я просто предельно осторожен.

— Значит, вам есть чего бояться?

— Любому живому человеку есть чего бояться.

Эта фраза прозвучала внезапно серьезнее, чем требовал их легкий пинг-понг.

Андрей на секунду осекся и замолчал.

Надежда перевела взгляд на Дмитрия.

Он уже снова смотрел в мокрое окно. Профиль оставался спокойным. Но в этой спокойности на миг мелькнула живая тень. Не явная боль, не развернутая драма. Просто тень взрослого человека, у которого там, в Москве, тоже остался пустой или слишком шумный дом, смертельная усталость, невысказанные горькие слова и какая-то своя, изматывающая война за плечами.

Вера Павловна была права.

У каждого.

Автобус ощутимо качнуло на разбитом асфальте. Людмила проснулась окончательно, часто заморгала, посмотрела на лобовое стекло и хрипло спросила:

— Мы скоро уже?

Координатор услышал вопрос и бодро отрапортовал:

— Минут двадцать пять осталось! Если без глухих пробок.

— Двадцать пять минут... Значит, можно еще немного пожить, — философски заключила Людмила, убирая термокружку в сумку.

Надежда улыбнулась.

Можно.

Еще немного пожить до того, как придется распаковывать чемодан.

Она расслабленно откинулась на высокую спинку сиденья, закрыла глаза и почувствовала, как монотонная дорога, чужие голоса, раскатистый смех Олега, напряженный профиль Дмитрия, слишком громкое, заполняющее присутствие Андрея и усталая мудрость Веры Павловны складываются вокруг нее в странное, гудящее предвкушением пространство.

Еще ровным счетом ничего не произошло.

Но уже было кристально ясно: эти два дня точно не пройдут мимо.

Последние двадцать минут пути автобус ехал уже не по реальной дороге, а будто по медленно проявляющейся старой фотографии.

Сначала исчезли плотные многоэтажки. Затем — стеклянные офисные коробки, заправки, яркие автосервисы и рекламные щиты. Их сменили мокрые лесополосы, редкие дачные поселки, глухие заборы, черные от влаги стволы берез и сосен, придорожные ларьки с кривыми вывесками: «Мёд», «Копченая рыба», «Шиномонтаж». Подмосковная жизнь словно никак не могла окончательно определиться, чем именно торгует: случайной сладостью, солью или дежурным спасением пробитого колеса.

Небо по-прежнему висело низко, давило на крышу. Дождя еще не было, но его тяжелое обещание уже разливалось в воздухе. Влажный серый свет делал всё вокруг мягче, беднее и честнее.

Надежда открыла глаза.

Она не спала, просто на несколько минут позволила себе провалиться в тягучее дорожное полузабытьё. В этом состоянии чужие голоса сливались в ровный гул, раскатистый смех Олега — в редкие вспышки, а привычное напряжение внутри отпускало ровно настолько, чтобы не исчезнуть совсем, но перестать душить.

Людмила рядом уже окончательно проснулась и теперь с сосредоточенным видом методиста раскладывала на коленях таблетки, бумажные салфетки и маленькую мятную конфету.

— Надо подготовиться к выходу в люди, — серьезно пояснила она, заметив взгляд Надежды.

— Выглядит как подготовка к стратегической операции.

— Надежда, в моем возрасте любое резкое перемещение из автобуса в открытый мир — это и есть стратегическая операция.

Где-то сзади Олег бодро сообщил:

— Коллеги, чувствую характерный запах леса. Значит, цивилизация с позором отступает.

— У тебя цивилизация отступила еще на Новослободской, — жестко отрезал Станислав Игоревич.

— Станислав Игоревич, не завидуйте моей внутренней свободе.

— Я ей искренне сочувствую.

Автобус мягко заложил вираж, зашуршал толстыми шинами по мокрой узкой дороге, и впереди показался полосатый шлагбаум.

За ним начиналась закрытая территория дома отдыха.

Сначала — будка охраны с облупившейся синей крышей. Затем — широкая асфальтовая аллея, по краям которой застыли высокие сосны и низкие фонари на черных столбах. Фонари еще не горели, но уже всем своим видом показывали, что вечером будут стараться изо всех сил создать правильную романтику из апрельской сырости, голых веток и не самого свежего ландшафтного дизайна.

Справа мелькнул белый указатель:

Корпус 1. Ресторан. Конференц-зал. Бассейн.

Чуть дальше — еще один:

Корпуса 4–6. Пруд. Беседка. Спортивный зал.

Надежда машинально зацепилась за слово.

Пруд.

И почти сразу увидела его в просвет между деревьями.

Внизу, за пологим скользким склоном, холодно и тяжело блеснула вода. Небольшой пруд, темный от нависающего серого неба, с узкой петляющей дорожкой вдоль берега. На противоположной стороне стояло старое дерево — широкое, корявое, еще совершенно без листьев, но с такой красивой, уверенной линией ветвей, что взгляд сам задерживался на нем. Под деревом сиротливо темнела мокрая скамейка. Рядом — низкий деревянный настил, уходящий на метр в темную воду.

Место выглядело промозглым и холодным.

И почему-то невероятно красивым.

Надежда смотрела на него всего несколько секунд, пока автобус тяжело проплывал мимо, но где-то внутри уже щелкнуло, фиксируя эту точку. Не ясной мыслью. Глухим предчувствием.

— О, прудик, — оживилась Людмила, проследив за ее взглядом. — Если накроет бессонница, можно будет ходить туда и красиво страдать.

— Почему сразу страдать?

— Потому что радоваться жизни у пруда в апреле могут только люди со свежими суставами.

Надежда улыбнулась.

Автобус с шипением затормозил у главного корпуса.

Здание оказалось ровно таким, каким она его себе и представляла по казенному слову «корпус»: длинное, светло-бежевое, с отчаянной попыткой современного ремонта на железобетонной советской основе. Новые раздвижные стеклянные двери, аккуратная пластиковая вывеска, парадные кадки с еще не проснувшимися кустами у входа. И при всем этом — что-то неистребимо санаторное в геометрии окон, в низком козырьке, в широкой мокрой лестнице, по которой многие десятилетия поднимались люди с пухлыми сумками, большими спинами, надеждами на отдых и твердым намерением вечером «хорошо посидеть».

Водитель с лязгом открыл двери.

В салон ворвался влажный, пронзительно холодный воздух. Он пах мокрой рыхлой землей, старой хвоей и чем-то неуловимо столовским — то ли вчерашним супом, то ли тушеной капустой, то ли самой идеей коллективного питания как жизненного принципа.

— Коллеги, выходим без спешки, — громко объявила Вера Павловна. — Багаж забираем внизу, у отсека. Не разбредаемся по территории. Сначала — регистрация, потом — размещение по номерам, потом — обед. Олег Викторович, это касается лично вас.

— Вера Павловна, я сейчас собран как никогда в жизни.

— Вот именно это меня больше всего и тревожит.

Люди с облегчением начали подниматься, вытаскивать сумки с верхних багажных полок, поправлять сползшие шарфы, застегивать куртки. В узком проходе моментально образовалась нервная пробка из затекших тел, рукавов, пакетов и взаимных глухих «ой, простите».

Надежда не стала вскакивать первой. Спокойно подождала, пока схлынет основная волна. Так было комфортнее. Да и вываливаться из автобуса, протискиваясь с сумкой между чужими коленями, было совсем не тем появлением, которое она себе готовила.

Дмитрий поднялся раньше нее. Быстро и ловко достал с полки небольшую кожаную дорожную сумку, пропустил вперед двух суетящихся женщин, а затем коротко посмотрел на Надежду:

— Помочь?

Вопрос прозвучал просто. Без нажима. Почти деловито.

— Спасибо, я справлюсь.

— Тогда я просто придержу проход.

Он действительно никуда не пошел — просто встал чуть боком, перекрыв собой толкотню напирających сзади, пока она снимала пальто с колен и брала сумку. Ничего особенного. Всего пара секунд спокойствия. Но именно это «ничего особенного» почему-то было в сто раз приятнее любой демонстративной галантности.

Андрей, который в этот момент выбирался из передней части салона, мгновенно заметил их короткий обмен и тут же бросил через два ряда:

— Дмитрий Сергеевич, вы там уже организовали персональный коридор безопасности?

— Я просто не люблю давку, — невозмутимо ответил Дмитрий.

— А я-то грешным делом подумал, это стратегическое конвоирование объекта контроля.

Надежда повернула голову.

— Объект контроля способен передвигаться самостоятельно.

— Но объективно требует наблюдения, — усмехнулся Андрей.

— Только строго предварительного, — напомнила она.

Андрей с удовольствием рассмеялся.

Людмила, тяжело выбираясь из кресла следом за ними, тихо буркнула Надежде в плечо:

— Вот теперь точно структура повествования пошла.

— Людмила Сергеевна.

— Я молчу. Я вообще сейчас ищу нужную таблетку.

Они вышли наружу.

Влажный, колючий холод сразу обхватил лицо, забрался за воротник, сковал руки. После теплого, душного, пропахшего кофе и парфюмом автобуса этот воздух показался ослепительно чистым. Надежда вдохнула гораздо глубже, чем собиралась.

Дом отдыха жил в той особой пятничной суете, когда место еще не стало твоим временным домом, но уже перестало быть просто точкой в навигаторе. У входа толпились люди из их группы, координатор с планшетом пытался перекричать толпу и направить всех к стойке регистрации, а сотрудница ресепшена в бордовом жилете что-то торопливо говорила в рацию и одновременно дежурно улыбалась с выражением человека, которого с утра предупредили: «Едет тяжелая группа».

Из багажного отсека водитель начал выгружать чемоданы.

Станислав Игоревич первым подхватил чей-то цветастый пластиковый чемодан и с грохотом поставил его на мокрый асфальт.

— Чей красный?! Не молчите, товарищи, красный чемодан требует немедленного воссоединения с хозяином!

— Мой! — визгливо отозвалась Светлана.

— Светлана, забирайте. Чемодан внешне бодрый, но по весу неподъемный. Что вы туда умудрились положить? Кирпичи на случай плохого ремонта в номере?

— Фен, косметичку и запасные сапоги!

— То есть ровно то, что я и сказал, — кирпичи.

Олег, чуть покачиваясь на ногах — не от сильного опьянения, а скорее от общего избытка жизни, — галантно помогал пожилой даме спуститься по крутым ступеням автобуса.

— Осторожно, ступенька тут коварная. Эта база проверяет нас на прочность с первых же секунд.

— Спасибо, милый, — тепло сказала дама, тяжело опираясь на его руку.

— Не за что. Я сегодня социально полезен.

— Олег, — глухо буркнул Станислав Игоревич, — если ты сейчас еще и чужой багаж начнешь носить, я заподозрю неладное.

— Во мне внезапно проснулся внутренний джентльмен.

— Лучше бы ты разбудил своего внутреннего трезвенника.

— Он взял за свой счет и ушел в отпуск.

Женщины вокруг рассмеялись. Олег был шумным, нелепым, но не опасным. От него не хотелось брезгливо отодвинуться. Скорее — с интересом наблюдать, как далеко он успеет зайти, прежде чем Станислав Игоревич дернет его за невидимый поводок.

Надежда подошла к распахнутому багажному отсеку.

Ее чемодан стоял где-то в темной глубине. Она уже собиралась окликнуть водителя, но рядом мгновенно возник Андрей.

— Давайте помогу. У меня как раз имеется подтвержденная техническая квалификация по извлечению умеренно амбициозных чемоданов.

Он сказал это с лукавой усмешкой, явно давая понять, что подслушал ее утреннюю реплику Дмитрию.

Надежда едва заметно прищурилась.

— Вы очень быстро собираете информацию, Андрей Николаевич.

— Профессиональная привычка. Технарь обязан знать, где что лежит и как оно работает.

Он по-хозяйски шагнул к отсеку, но Дмитрий, стоявший на полкорпуса ближе, уже молча вытащил ее чемодан и ровно поставил на асфальт.

— Ваш, кажется.

На секунду они втроем оказались рядом. Дмитрий с расслабленной рукой на боковой ручке чемодана, Андрей, замерший на полшага к багажному отсеку, и Надежда между ними — чуть в стороне, но ровно в той смысловой точке, ради которой всё это микродвижение и затевалось.

Мелочь.

Совершенная, пустяковая мелочь.

Но Андрей ее моментально почувствовал.

Улыбка на его лице никуда не исчезла, но стала заметно острее.

— Дмитрий Сергеевич, вы сегодня просто выездной филиал службы быта.

— Просто стоял ближе.

— Очень удачная стартовая позиция.

— Иногда достаточно и этого, — невозмутимо ответил Дмитрий.

Надежда решительно взяла ручку чемодана.

— Спасибо. Обоим. Один физически помог, второй морально поддержал процесс.

Дмитрий чуть улыбнулся одними глазами.

Андрей рассмеялся куда громче, чем требовала ситуация.

— Записываю в актив: моральная поддержка тоже засчитана комиссией!

— В предварительном порядке, — парировала она.

— Вы потрясающе безжалостны.

— Я последовательно объективна.

Вера Павловна, стоявшая у широкого входа, громко хлопнула в ладони:

— Коллеги! Не устраиваем у автобуса стихийный филиал багажного отделения! Все с вещами — быстро в холл. Регистрация через правую стойку. Кто потеряется на территории до обеда, будет найден и жестоко возвращен административными методами.

— Вера Павловна, — живо отозвался Олег, поднимая звенящий пакет, — скажите, а административные методы допускают человеческое лицо?

— В вашем конкретном случае, Олег Викторович, они сначала допускают тщательный досмотр ручной клади.

— Это грубое давление на личность!

— Это материнская забота о группе.

Станислав Игоревич железной хваткой взял Олега за локоть.

— Пошли уже, личность. Пока тебя тут не пересчитали по пустым бутылкам.

— Я многогранен!

— Ты многозвонок.

Они двинулись к автоматическим дверям.

Надежда потянула чемодан за собой. Силиконовые колесики дробно застучали по мокрому асфальту, то и дело попадая в мелкие трещины. Перед стеклянными дверями образовался затор: люди складывали зонты, отряхивали капли с курток, кто-то пытался найти паспорт на дне сумки, кто-то уже спорил с координатором, можно ли попросить номер «где потише».

Она задержалась на секунду у скользких ступеней и оглянулась.

С этой точки открывался вид в сторону пруда. Отсюда вода была видна гораздо хуже — только темный, свинцовый фрагмент между стволами и узкая мокрая дорожка, змеей уходящая вниз. Старое корявое дерево у берега стояло неподвижно, широко раскинув черные ветви, будто оно уже знало об этих приехавших людях абсолютно всё и не собиралось вмешиваться в их глупую суету.

Почему-то Надежда снова, как привороженная, задержала на нем взгляд.

— Красиво, — вдруг сказал Дмитрий совсем рядом.

Она не сразу поняла, что он тоже остановился и смотрит именно туда.

— Холодно, — поежившись, ответила она.

— Иногда это почти одно и то же.

Фраза прозвучала странно. Сухо. Отстраненно. Это был не дежурный комплимент и не попытка пошутить. Но ей почему-то очень понравилось.

Андрей, уже поднимаясь по ступеням впереди них, резко обернулся:

— Что там красивого? Пруд как пруд. Летом, может, еще туда-сюда, шашлыки пожарить.

А сейчас только простуду ловить.

— У каждого свой уровень романтизма, — спокойно сказала Надежда.

— Я сугубый практик. Если возле воды холодно и сыро, значит, надо идти туда, где тепло.

Он уверенно показал подбородком на вход.

Там, за тяжелым стеклом, действительно было тепло: приглушенный желтый свет холла, деревянная стойка регистрации, длинные ряды вешалок, густой запах кофе из автомата и обещание скорого горячего обеда.

Надежда вежливо улыбнулась.

— Разумный подход.

— Я вообще исключительно разумный, — безапелляционно заявил Андрей.

Дмитрий негромко, не меняя интонации, добавил:

— Особенно когда сами регулярно об этом напоминаете.

Андрей смерил его тяжелым взглядом, но ответить не успел: Вера Павловна с крыльца снова позвала группу внутрь.

Холл встретил их причудливой смесью старого санатория и свежего недорогого ремонта. Светлый скользкий керамогранит на полу, новые квадратные диваны из экокожи вдоль стен, пыльные искусственные растения в кадках, стойка регистрации с пластиковыми табличками. И рядом со всем этим — массивное старое пианино под серым чехлом, зачем-то сиротливо оставленное в углу. На стене висела огромная выцветшая фотография дома отдыха летом: ослепительно зеленые деревья, неестественно голубая вода пруда, счастливо улыбающаяся пара на велосипеде.

Сейчас за мутными окнами холла было совсем другое — серое, промозглое, апрельское.

У стойки уже выстраивалась нервная очередь.

Координатор раздавал белые бланки анкет и, как заведенный, повторял:

— Паспорт, подпись, ключ, памятка участника. Паспорт, подпись, ключ, памятка участника.

Людмила позади Надежды тяжело вздохнула:

— Звучит как древнее заклинание, чтобы вызвать тотальную усталость.

— Или заселение, — обернулась Надежда.

— В нашем возрасте это почти одно и то же.

Вера Павловна встала чуть сбоку, чтобы контролировать всю толпу.

— Корпуса распределены по спискам. Не меняемся номерами без согласования с администрацией. Кто отчаянно хочет жить рядом с любимым коллегой, вовремя вспоминает, что иногда коллег лучше и безопаснее любить на расстоянии. Обед ровно через сорок минут. Не опаздываем.

— А если очень хочется опоздать? — дурашливо поинтересовался Олег.

— Тогда опаздываете ко мне в номер. Лично.

— Понял. Я уже расхотел.

— Вот и прекрасно.

Станислав Игоревич одобрительно кивнул:

— Вера Павловна, у вас несомненный педагогический талант.

— Я просто смертельно устала, Станислав Игоревич.

Очередь двигалась раздражающе медленно. Надежда стояла, опираясь на ручку чемодана, и краем глаза наблюдала за людьми. После дороги их лица изменились. В Москве в автобус садились суровые специалисты, начальники отделов, важные методисты, руководители и ответственные сотрудники. Сейчас в холле толпились обычные, измотанные люди, которым хотелось получить кусок пластика, бросить сумки, сходить в туалет, выпить горячего кофе и побыстрее проверить, насколько мягкая в номере кровать.

Дмитрий стоял через несколько человек впереди. Спокойный, собранный. В руках — паспорт и телефон. На входящий звонок не ответил — только коротко сбросил и быстро набрал сообщение. На лице не дрогнул ни один мускул.

Интересно, кому? — мелькнула мысль.

Надежда тут же мысленно одернула себя.

Не твое дело.

Пока — не твое.

Андрей, напротив, не мог простоять спокойно и секунды. То подошел к сотруднице уточнить, где находится техническая комната, то спросил у замученного координатора марку проектора, то громко, на весь холл, прокомментировал температуру:

— Вот, кстати, нормальная вентиляция. Дует ровно. Значит, жить можно.

— Вы уже успели провести полный технический аудит здания? — с иронией спросила Надежда.

— Только первичный, поверхностный осмотр. До спортзала еще не дошел.

— Планируете утром?

— Обязательно утром. Я человек железного режима.

— Даже после активной культурной программы?

— Особенно после нее.

Он сказал это с довольной, почти вызывающей улыбкой.

Дмитрий, как раз получив ключ-карту, проходил мимо них и негромко, не сбавляя шага, заметил:

— Главное, чтобы местный спортзал был физически готов к вашему режиму.

— Не переживайте, Дмитрий Сергеевич. Спортзалы меня обычно выдерживают.

— Значит, им просто деваться некуда.

Людмила сзади тихо фыркнула в кулак.

Надежда тоже не удержалась от короткой улыбки.

Андрей театрально развел руками:

— Я понял. Вы все сегодня объединились против меня.

— Это коллективная независимая диагностика, — сказала Надежда.

— Хорошо. Тогда вечером я буду проходить у вас повторное, углубленное обследование.

— Сначала регистрация, — сухо вмешалась сотрудница стойки, протягивая Надежде лист анкеты. — Фамилия?

— Королёва.

— Паспорт, пожалуйста. Так... Шестой корпус, второй этаж. Номер шесть двенадцать.

Шестой корпус.

Второй этаж.

Надежда привычно расписалась, забрала паспорт, электронную ключ-карту с нелепым бумажным кейхолдером и мятую памятку участника. На кейхолдере кривовато, черной краской значилось: 612.

— Ваш корпус прямо по асфальтовой дорожке и налево, — заученно объяснила сотрудница. — Пешком минуты три. Обед будет здесь, в главном корпусе. Большой конференц-зал тоже здесь, на первом этаже, по коридору до конца.

— Спасибо.

Надежда отошла от стойки.

В руке холодным пластиком лежала ключ-карта.

Маленькая, смешная, бытовая деталь — кусок дешевого пластика с логотипом. Но именно в этот момент она вдруг всем телом почувствовала: всё, она действительно приехала. Не планирует ехать, не собирает чемодан, не стоит у автобуса, не держит каменное лицо перед детьми, не стирает сообщения Максиму, не собирает привлекательную женщину перед холодным зеркалом.

Приехала.

На эти два дня у нее была своя отдельная комната. Ключ. Безупречное черное платье в чемодане. Темный пруд за мокрыми деревьями. Мужчины, которые уже начали разговаривать с ней чуть иначе, чем с остальными.

И вечер, который медленно, но неотвратимо приближался.

Вера Павловна снова громко хлопнула в ладони:

— Коллеги, оперативно заселяемся! Встречаемся на обеде. Напоминаю: официальное открытие ровно в пятнадцать ноль-ноль. Кто не придет — того Олег Викторович пойдет искать лично по номерам.

— Вера Павловна, зачем вы так жестоко людям угрожаете? — искренне возмутился Олег.

- Исключительно для того, чтобы они пришли вовремя.
- Очень эффективно.
- Учитесь, пока я жива.

Группа начала медленно, с облегчением рассасываться: кто-то потянул чемоданы к лифту, кто-то направился к выходу на мокрую дорожку к спальным корпусам, кто-то сразу свернул к гудящему кофейному автомату. Толпа распалась на маленькие человеческие маршруты.

Надежда перехватила ручку чемодана.

— Шестой корпус? — внезапно спросил Андрей, бесцеремонно заглянув в ее кейхолдер.

— Шестой.

— Отлично. Я тоже где-то там. Значит, идем в одном направлении.

Дмитрий, проходивший совсем рядом, остановился и коротко посмотрел на свой пластиковый прямоугольник.

— И я.

Пауза вышла почти незаметной.

Почти.

Людмила, поправляя тяжелую сумку на плече, пробормотала себе под нос:

— Вот теперь точно структура сформировалась.

— Людмила Сергеевна, — одернула ее Надежда.

— Я молчу как рыба. Но как методист я просто обязана фиксировать причинно-следственные связи.

Она пошла вперед, оставив Надежду на короткую секунду ровно между двумя мужчинами.

За стеклянными, вечно запотевающими дверями корпуса серел холодный апрельский день. Влажная асфальтовая дорожка уходила налево, к жилым постройкам. Где-то там, за голыми деревьями, холодно и неприступно блестел пруд.

Надежда подняла воротник пальто, крепче перехватила чемодан и решительно шагнула к выходу.

Два дня еще только начинались.

Глава 3. Дом отдыха. Регистрация тепла

До шестого корпуса идти оказалось действительно минуты три.

Правда, сотрудница на ресепшене тактично не уточнила, что эти три минуты будут включать скользкий мокрый асфальт, расплзающиеся лужи, холодный ветер между соснами, тяжелый чемодан, который на каждой трещине начинал вести себя как упрямое животное, и компанию людей, уже успевших превратиться из организованной группы в несколько нестройных, шумных ручейков.

Надежда шла по дорожке, плотно придерживая пальто у груди. Чемодан глухо постукивал за спиной. Влажный воздух пах горькой хвоей, землей и чем-то старым, дачным — не настоящим домом даже, а воспоминанием о чужих летних каникулах, которые давно закончились, но почему-то всё еще держались в шершавой коре деревьев и облупленных скамейках.

Впереди бодро, по-хозяйски шагал Андрей. Он тащил свой чемодан так, словно тот был не багажом, а очередным техническим объектом, который необходимо подчинить своей воле. Время от времени он оборачивался, комментируя всё, что попадалось на глаза.

— Фонари, кстати, поставили неправильно, — сообщил он. — Светить будут прямо в глаза, а не на дорожку.

— Вы уже начали страдать? — спросила Надежда.

— Я страдаю исключительно профессионально. Без этого страна бы давно окончательно развалилась.

— Звучит как тяжелая, мученическая миссия.

— Неблагодарная, — со вздохом уточнил Андрей. — Но кто-то же должен.

Дмитрий шел чуть позади и правее. В одной руке у него была дорожная сумка, на другом плече небрежно висело темное пальто. Он не встречал в каждую реплику, не пытался перехватывать разговор, но именно из-за этого его присутствие ощущалось плотнее. Иногда Надежда боковым зрением ловила его рядом — высокий темный силуэт, спокойный шаг, ровная линия плеч — и почему-то сразу начинала лучше, ровнее чувствовать собственную походку.

Это было смешно.

Глупо и приятно.

Людмила Сергеевна шла сзади, тяжело переставляя ноги, и бормотала:

— Три минуты пешком. Это они всегда так говорят. Три минуты — это если ты молодой, без чемодана и с глупой верой в светлое будущее.

— Людмила Сергеевна, вам помочь? — негромко предложил Дмитрий.

— Ой, спасибо, Дмитрий Сергеевич, но нет. Если я сейчас отдам кому-нибудь свою сумку, я окончательно потеряю ощущение контроля над жизнью.

— До боли знакомое чувство, — усмехнулась Надежда.

Людмила Сергеевна посмотрела на нее поверх очков с коротким, тяжелым пониманием.

— У нас здесь, я смотрю, вообще подобрались люди с богатой историей контроля.

Шестой корпус стоял чуть в стороне от главного здания, прячась между высокими соснами. Он был ниже, тише и выглядел куда менее парадно: три этажа, бледная штукатурка, темная скатная крыша, длинный козырек над входом, мокрые щербатые ступени, старая металлическая урна-пепельница у двери. В мутноватых окнах отражалось серое небо. На первом этаже, за пыльным стеклом, виднелись коридор, стойка с буклетами и грузная пожилая горничная, которая, судя по выражению лица, уже заранее знала, что эта шумная группа будет просить дополнительные полотенца и жаловаться на напор воды.

У входа Андрей остановился и критически оглядел фасад.

— Ну, в принципе, жить можно. Если не смотреть на водосток.

— А что там не так с водостоком? — не удержалась Людмила Сергеевна.

— Лучше вам не знать. Спать будете крепче.

Дмитрий поднялся по ступеням первым и придержал тяжелую тугую дверь.

— Прошу.

Андрей тут же ухмыльнулся:

— Дмитрий Сергеевич у нас сегодня явно отвечает за благородство.

— Кто-то же должен компенсировать вашу техническую тревожность, — спокойно ответил Дмитрий.

— Я не тревожный. Я внимательный.

— Это обычно и говорят тревожные люди.

Надежда вошла в холл, пряча улыбку.

Внутри корпус резко пах свежей краской, вымытым хлоркой линолеумом и чем-то душно-теплым, батарейным. На выпцветшей стене висела кривоватая схема эвакуации. Слева — широкая лестница. Справа — короткий коридор с коричневыми дверями номеров. Лифт, судя по табличке, тоже где-то был, но в глубине здания и явно из тех, с которыми не хочется знакомиться без крайней необходимости.

— Второй этаж, — констатировала Людмила Сергеевна, посмотрев на ключ-карту. — Значит, еще можно жить. На третий я бы не зашла.

— Я тоже на втором, — быстро сказал Андрей. — Отлично. У нас формируется плотная локальная инфраструктура.

Надежда мельком глянула на свою карту.

Второй этаж.

Дмитрий тоже взглянул на свой номер, но ничего не озвучил.

Андрей это моментально заметил.

— Дмитрий Сергеевич, вы с нами или элитно отдельно?

— Второй этаж.

— Ну всё. Вера Павловна допустила непростительную стратегическую ошибку.

— Расселила людей по одной лестнице?

— Создала неконтролируемый очаг неформального общения.

— Пока это больше похоже на обычную очередь к лифту, — заметила Надежда.

Людмила Сергеевна тяжело вздохнула:

— Я голосую за лифт. Пусть даже он выглядит как шаткий портал в прошлый век.

Лифт действительно оказался крошечным, со скрипучими металлическими дверями и мутным зеркалом, в котором лица мгновенно приобретали легкий болезненно-зеленоватый оттенок. Внутри с трудом втиснулись Людмила Сергеевна, Надежда, Андрей и два пухлых чемодана. Дмитрию места уже не оставалось.

— Я пешком, — сказал он, отступая на шаг.

— Спортсмен, — хмыкнул Андрей.

— Просто второй этаж. Это не Эверест.

— Вот так всегда. Одни идут пешком налегке и выглядят достойно, другие едут с женщинами и багажом и выглядят как грузчики.

— Каждый сам выбирает себе подвиг по силам, — сказала Надежда.

Двери лифта с лязгом закрылись.

На секунду все трое оказались слишком, непозволительно близко друг к другу. Воздух мгновенно сперся, запахло влажной тканью пальто, чужими духами и слабым металлическим запахом старого механизма. Андрей стоял рядом, почти касаясь ее плечом, и Надежда физически почувствовала исходящее от него тепло — не интимное, но настойчивое, тяжелое. Он не дотрагивался до нее, но пространство вокруг него словно было занято заранее.

— Уютно, — констатировал он.

Людмила Сергеевна посмотрела на него поверх спущенных очков.

— Андрей Николаевич, очень вас прошу, не развивайте эту мысль.

— Да я и не думал.

— Вот именно это меня больше всего и настораживает.

Надежда не выдержала и рассмеялась.

На втором этаже двери открылись с коротким рывком. Коридор был длинный, светлый, с казенными бежевыми стенами, темными дерматиновыми дверями и потертой ковровой дорожкой странного, блекло-винного цвета. Под навесным потолком монотонно гудела вентиляция. Где-то уже гулко хлопнула дверь, кто-то с грохотом катил чемодан, кто-то бубнил по телефону:

— Да, заселились, ну, вроде нормально, жить можно.

— Шесть двенадцать где-то дальше по коридору, — сказала Надежда, сверившись с пластиковыми табличками.

— У меня шесть ноль восемь, — сообщила Людмила Сергеевна. — Надежда, если ночью вдруг услышите жуткий стон — это я встала неудачно. Спина больная. Не пугайтесь.

— Я буду знать.

— А вот если услышите песню — это уже точно не я. Это, вероятно, Олег в поисках приключений.

Андрей остановился у номера 609.

— Я здесь падаю. Совсем рядом. Если что-то сломается, потечет или коротнет — зовите.

— А если ничего не сломается? — спросила Надежда.

— Тогда тем более зовите. Профилактика всегда важнее ремонта.

Он сказал это с широкой улыбкой, но взгляд, скользнувший по ней, задержался чуть дольше положенного светского норматива.

Дмитрий как раз легко поднялся по лестнице и появился в начале коридора. Без малейшей одышки. Просто спокойно вошел в пространство, будто лестница не имела к нему никаких физических претензий.

— А я был уверен, что вы обгоните нас по ступеням, — бросил Андрей.

— Я не соревновался.

— Вот зря. Жизнь становится гораздо интереснее, когда в ней есть элемент соревнования.

Дмитрий посмотрел на него ровно.

— Далеко не всегда.

Надежда снова почувствовала, как между ними в прохладном коридорном воздухе мелькнула тонкая, сухая искра.

Она перехватила ручку чемодана.

— Пойду осваивать выделенную мне территорию.

— Надежда Викторовна, если свет в ванной окажется плохим, это претензии не ко мне, — предупредил Андрей в спину.

— А к кому?

— К суровой женской судьбе.

— Тогда я как-нибудь справлюсь сама.

Дмитрий, проходя мимо, тихо сказал:

— Ни секунды не сомневаюсь.

Надежда не сразу повернула голову. А когда посмотрела, он уже прикладывал карту к замку своего номера — 614.

Почти рядом.

Она успела мазнуть взглядом по пластиковым цифрам и тут же сделала вид, что не заметила их.

Ну конечно.

612 и 614.

Жизнь, как и всегда, совершенно случайно умела быть пугающе конкретной.

Надежда подошла к своей двери, приложила ключ-карту к замку. Красный огонек раздраженно мигнул отказом. Замок глухо щелкнул, но не открылся. Она приложила карту еще раз. Снова красный.

— Карту надо прикладывать чуть медленнее, — донесся из-за спины голос Дмитрия.

— Я знаю.

Она приложила медленнее, выдержав паузу. Замок коротко пискнул и загорелся зеленым.

— Видите, — сказала она, даже не оборачиваясь. — Система внутреннего контроля победила технику.

— Я бы сказал, она успешно адаптировалась к суровым местным условиям.

Андрей от своей двери хохотнул:

— Вы главное — не начинайте проверку прямо с дверных замков, а то мы отсюда до ужина точно не выйдем.

Надежда нажала на ручку.

— Ничего не обещаю.

И перешагнула порог.

Дверь закрылась за ней с мягким плотным щелчком, отрезая коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.